Звёзды над Боспором

Владимир Логинов

Владимир Логинов

Звёзды над Боспором

«Автор»

2025

Логинов В. И.

Звёзды над Боспором / В. И. Логинов — «Автор», 2025

Это сочинение написано автором на основе подлинных исторических фактов, произошедших в самом начале восьмого века на территории Северного Кавказа и Крыма. В предлагаемой читателю книге речь пойдёт об очень важных, но малоизвестных событиях, развернувшихся на Крымском полуострове, в городах Боспор (Керчь) и Херсонесе (Севастополь).

© Логинов В. И., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. КАРАВАН 6
Глава 2. НАПАДЕНИЕ 18
Глава 3. ЮСТИНИАН И ИДА ГЛЯВАН 27
Глава 4. ТАМАТАРХА – БОСПОР 35
Глава 5. РЫНОК ЧУДЕС 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Владимир Логинов
Звёзды над Боспором

Боспор, название города Керчи в раннем
Средневековье.
С. А.Плетнёва,
археолог, доктор
исторических наук.

П р о л о г.

Ночь объяла землю, и только неугасимые звезды торжественно и неумолимо пронзают своим светом гигантские пространства Вселенной. Но где-то там проходят, с дрожью неслышимого гула, тысячелетия, слагаясь в стройный очерк народной судьбы. И дивлюсь я мужеству предков, сотворивших из праха, из смертного своего существа бессмертное, и вопрошаю их, уснувших в земле. Кто дал им подобное чуду мужество, кто подвигнул их из грязи и крови корыстных и мелких дел восстать до деяния, осветить последующие за ними века?

Взгляну в безмерную глубину просторов Востока, откуда обрушилась на нас неутомимая конница гуннов и спрошу мысль свою. Не для того ли пришли эти всадники? Не для того ли лилась кровь, и люди уводились в рабство, плелись союзы и заговоры, ехали послы, чтобы в час иной, поворотили мы лик свой, к этой дали, и обратной волной русской предприимчивой дерзости прошли и одолели Сибирь, выйдя к бушующим волнам Тихого океана?

Не для того ли глухим копытным топотом пролилась оттуда череда народов и племен, чтобы Россия обрела величие свое в кровавом, кровном и братском объятии с народами степей. И, в свой черед, помыслить об ответственности нашей перед грядущими временами, перед потомками своими, за все то гибельное, что сотворяем мы сегодня над землею предков наших и народом своим. Ибо не мы, не мы господа и создатели земли этой, мы только арендаторы, и суд грядет, и суд неотвратим, и гибель свою, как и спасение, сотворяем мы сами, и плата за грехи наши, не станет ли свыше сил наших?

Горько быть потомком великих отцов! Но и счастье – прикоснуться к величию пращуров!

Пахнет степной травой. Пахнет конским потом, и нога привычно упирается в стремя. Что там, за волнами седого ковыля, который когда-то сменят хлеба? Что там, за синею далью гор, за камнем, за лесным окоемом, за багряным разливом заката, за гранью смертной судьбы?

Д.М.Балашов,
российский писатель

Часть первая. ИЗГНАННИК

Глава 1. КАРАВАН

На холме, уже поросшем первой весенней травкой, сидели два немолодых человека. Потому, как они были одеты, можно было судить, что это непростые люди. Один в синей шёлковой чалме с дорогим камнем, в зелёном халате, поджав под себя ногу, обутую в жёлтый сафьяновый сапог, опирался левой, в перстнях, рукой о ковёр, правой же подносил к своей холёной, крашеной хной, бороде китайскую пиалу, но не с чаем, а с ширазским вином. Отхлебнув глоток, он ставил пиалу на расположенный рядом кожаный поднос и, пригладив красную бороду, задумчиво глядел в простиравшуюся вокруг холма степь и видневшуюся вдалеке, на юге, волнистую, синюю полоску гор.

Второй, поджав под себя обе ноги в мягких, доброй кожи, чувяках, тоже был одет в дорогой хорезмский халат в сине-жёлтую полоску, только на бритой голове его красовалась, расшитая золотой нитью, голубая тюбетейка. Широкое и безусое лицо его с редкой бородкой не выражало ничего, никаких чувств, хотя один глаз уставился на собеседника, а второй безучастно смотрел в сторону. Перед собеседниками догорал костерок, над которым располагался походный треножник, с водружённым на нём бронзовым кумганом. Из посудины доносился аромат дорогого китайского чая. Слабый прохладный ветерок, задувавший с запада от садившегося солнца, сдувал сизый пепел с углей и шевелил траву вокруг.

У подножия холма раскинулся огромный табор, слышался визг и ржание коней, звон оружия и посуды, говор толпы. Оба человека были начальниками большого каравана с товарами и важными людьми. Того, что в чалме звали длинно: Хазрат ар Рахман аль Балхи. Он был личным представителем халифа, крупным торговцем. Того же, что в тюбетейке звали коротко: Обадия, и был он тоже купцом, представлявшим торгово-экономические интересы хазарского кагана. Вместо вина он пил чай, который в то время могли позволить себе только очень богатые люди. Обадия не мешал сотрапезнику думать, хотя его давно подмывало задать ему каверзный вопрос.

Хазрат же унёсся мыслями далеко. Вот уже около месяца идёт их огромный караван с юго-востока, из Албании /Азербайджан/, вдоль Кавказского хребта к северо-западу, направляясь к черноморским портам Таматархе и Боспору. Страна, по которой они шли, населена многочисленными народами: савирами, аланами и ещё какими-то язычниками, объединённых в последнее время властью хазарского кагана Ибузира Глявана в одно государство. Здесь, в древней, серо-жёлтой земле, можно отрыть наконечник скифской стрелы и стёртый статир с профилем Александра Македонского, а то и обломок серебряного парфянского блюда, невесть какими путями занесённого на Кавказ. Кетмень земледельца то и дело ударяет по древним глиняным черепкам, оставленным народами, утонувшими во мраке времен.

Заступ отрывает кости многочисленных древних захоронений. Южная часть этой земли, что простёрлась у отрогов Большого Кавказа, там, где стояли погибшие в арабском нашествии города савир, у перевалов и ущелий, уводящих в сторону Имеретии и Армении, называется Хазарией с древними городами Дербентом, Семендером, Беленджером. Северная, в низовьях Бузана \Дона\ – это Саркел, где в устье реки самый большой в этом месте рынок работорговли. А дальше, к западу, Крым и владения Византии, земли язычников и христиан. На юг же, за Дербентом и Албанией – богатые города: Багдад, Халеп и Дамаск, ещё дальше, в аравийской земле Медина и Мекка – святыни ислама, собирающие паломников со всех земель, подчинённых зелёному знамени пророка…

Сказать, что земля эта, Хазарский Каганат, цветущее и устроенное государство трудно. Оно было измученно поборами, сотни раз ограблено. Хазария – это насильственное скопление завоёванных владений, коему и название «государство» мало подходило, где не было закона, ибо закон – это всегда соглашение между двумя силами, а тут было просто голое право силы,

определявшей и размер налогов, и саму жизнь, и смерть граждан своих. Оно и распалось бы, как пересохший ком глины под первыми же ударами сильного и дисциплинированного врага. И то, что каган сумел собрать сильное войско, было отнюдь не случайностью, а обнажением лоскутной сущности хазарской империи. Оживание, возрождение разгромленного некогда государства шло медленно, но неуклонно. Хотя бы в виде феодально-разбойничьих войн и смут, в которых происходило трудное выяснение – кто есть кто?

Обадия, наконец, не выдержал и, обращаясь к арабу, задал свой нелицеприятный вопрос:

– Слушай, Хазрат! Ты же мусульманин, а Коран запрещает вам пить вино.

Аль Балхи, оторвавшись от своих дум, не замедлил с ответом:

– Аллах милостивый и всемогущий простит мне мой маленький грех, Обадия. Путь наш был труден, остался один дневной переход до Таматархи – вот я и позволил себе расковаться. А ты, что не выпьешь доброго вина, Обадия? Вам, язычникам, всё равно, что пить: мочу, вино или чай.

Аль Балхи, хитро подмигнув, рассмеялся. Однако Обадия не обиделся.

– Да я, Хазрат, не нахожу в вине ничего путного. Для меня добрый чай – лучший из напитков, когда-либо созданных на земле. Он бодрит, прибавляет сил.

Внезапно, озаботившись, аль Балхи спросил:

– Твой Рогдай выслал разъезды в сторону Кубана?

– А как же, Хазрат! У нас с тобой был уговор: я посылаю конников по правую руку, а ты по левую, в сторону предгорья.

Аль Балхи, соединив ладони вместе, произнёс короткую молитву:

– Ля илляхе иль Алла, Магомет расул улла! \Нет Бога кроме Аллаха и Магомет пророк его!\ Милостью Аллаха, милостивого и милосердного, Обадия, мы почти дошли, но рано успокаиваться. Эти разбойники горцы в любой миг могут напасть на караван. Не нравится мне эта степь. Она вся в складках, как старый затасканный сапог у плохого хозяина. В любой складке можно незаметно спрятать до тысячи воинов, а у нас всего четыреста человек охраны на такой большой караван. Хотя это немало, но и товара в этот раз много. Помню в прошлом году я вёз товар в Египет и охрана у меня состояла всего из тридцати лентяев с ржавыми мечами на худых клячах, а за каждым камнем разбойник. И всё же я меньше опасался за товар, чем сейчас.

– Ты забыл, Хазрат, что у меня ещё пять десятков русов, которым нет равных в бою. Я всегда поражался их смелости. Отвага их беспредельна.

Аль Балхи презрительно плюнул в сторону костра русской дружины и произнес:

– Наёмники! Едва ли на них можно положиться. Чем только ты их привлёк?

Обадия, отхлебнув чая, и, вытерев несуществующие усы шёлковым платком, объяснил:

– Видишь ли, Хазрат! Каган обложил племя вятичей данью. По монете серебра и белке с дыма, но они же нищие. Серебра у них отродясь не бывало. Отдают кожами. Мы отстраиваем города и в последнее время отказались от кож. У нас, их и своих много. Договорились, чтобы они отдавали нам свой долг тележной мазью и лесом.

– Эх вы, язычники! Тележной мазью. Да ведь это смешно! – Хазрат явно издевался над собеседником. Но Обадию трудно было вывести из себя: то ли он от природы был глуп, то ли прикидывался придурком, только на его беспристрастном лице не дрогнула ни одна мышца. По всей видимости, он умел хорошо владеть собой, а ведь человек он был образованный: кроме родного тюркского языка, отлично владел ещё и арабским, фарси и греческим.

– Ты, Хазрат, зря смеёшься. Без этой тележной мази нас слышно было бы и в Дербенте, и в Боспоре, и во всех предгорьях Кавказа. Ты вот лучше мне другое скажи, что тебя, потомка дома Сасанидов, родственника Великого шаха Хосрова Ануширвана, хотя бы и в третьем поколении, подвигло заняться опасным ремеслом торговца?

Аль Балхи, погладив бороду ладонями, задумчиво поглядел на Обадию и заговорил, как-то издалека:

– Хвала Аллаху, что он не запрещает вам, язычникам, любить своих богов, потому что вера может быть разная, а Бог един. Вы, варвары, беспрестанно нападали на нашу богатейшую провинцию Албанию. Жадность ваша не имела предела, потому ещё дед мой сто лет назад под присмотром шаха Хосрова Ануширвана возвёл стену при крепости Дербент от Гурганского \Каспийского\ моря, до скал Кавказского хребта. Это грандиозное каменное сооружение надолго обезопасило Албанию от грабительских набегов вас, хазар, а также алан, турок, савир и иных племен. Ты сам, Обадия, принадлежишь к могущественному роду Ашина, из которого назначаются каганы. Это ваш род возглавляет племенной союз Северного Кавказа и, видит Бог, не мы, арабы, а вы постоянно нападаете на нас.

– Ты, Обадия, – помолчав, продолжил аль Балхи, – человек грамотный и знаешь, что ещё восемьдесят лет назад византийский император Ираклий натравил на арабов вашего кагана. Еще хронист и философ Феофан Исповедник писал, что император Ираклий заключил союз с хазарами. Ваш каган собрал огромное войско и обрушился на Дербент, и не помогла та стена, которую возвел еще мой дед. Каган тогда ограбил всю Албанию, а потом вторгся в Грузию и осадил Тбилиси. Благо, что жители выдержали этот натиск, но ведь на следующий год каган взял город. Правителей Тбилиси, прежде чем казнить, ослепил, взял богатую добычу, разделил её с византийцами, и хотел, уже было обрушиться на Армению, да помешала междуусобица в каганате. Тюркская держава тогда развалилась. Булгарские племена, которые занимали приазовские земли и Таманский полуостров, да и всё нижнее прикубанье, создали в то время, а это 635 год, своё государство: Великую Булгарию со столицей Фанагорией. Византийцам всегда было важно иметь в Причерноморье сильных союзников, и хитрый император Ираклий пожаловал булгарскому вождю Кубрату почетный титул патриция и подкрепил этот акт богатыми дарами.

Обадия слегка поморщился и плеснул в свою пиалу горячего, ароматного напитка из кумгана, а аль Балхи продолжил, между тем, свою обличительную речь:

– Однако булгарский вождь Кубрат через десять лет умер, а его сыновья: хан Аспарух и хан Батбай не смогли поделить власть и булгарская держава, по сути дела, развалилась. К чести Аспаруха он не стал враждовать с братом и две орды мирно сосуществовали, пастбищ, и рыбы в море хватало, да только вот вы, хазары, решили, что пора присоединить земли булгар к своему каганату. К тому же и язык булгар, как и ваш, имел одни и те же, тюркские корни.

Обадия, наконец, решился вставить своё слово в горячую речь аль Балхи:

– Знаю, Хазрат! Хан Аспарух оказал нам сопротивление, но его брат, хан Батбай, не поддержал его, потому что был подкуплен каганом. Вот тогда-то хан Аспарух и увёл свою орду на закат солнца, за Дунай, став там основателем нового государства – Дунайской Булгарии. Хан Батбай остался в Приазовье и подчинился кагану, пусть будет вечно сиять над домом Ашина солнце Тенгри-хана, нашего Верховного бога. Благодаря этому хазарский каганат увеличил свои земли вдвое. Мы слились в единый союз, а народы каганата свободны. И потом не забывай, Хазрат, что мы отстроили и восстановили черноморские порты для торговли с Византией, которые два века назад были полностью разгромлены и разграблены гуннами, и жизнь в этих портах едва теплилась.

Речь Обадии вконец разозлила аль Балхи, и он тут же возразил ему:

– Какая там свобода! С одной стороны у вас установились тесные контакты с Византийской империей и вы, ободрённые легкой победой над булгарами, в мощном порыве на запад захватили не только приазовские степи, но и Северное Причерноморье, а также часть степного Крыма. Думаешь, это понравится Византии? С другой стороны савирский князь Алп – Илитвер самостоятельно ходит в походы, заключает мирные договоры, не испрашивая дозволения кагана. Женился на дочери албанского правителя и, самое главное, наплевал на вас, язычников, и принял в 682 году христианство. Можно сказать, совсем недавно. Вашему кагану этакая свобода совсем уж не по нутру. Хитрые византийцы делают вам всевозможные уступки, им нужен

союзник, но это до поры, до времени. Христианство наступает на вас с запада, из Византии, и с юга, из Грузии и Армении. Только мы, арабы, открыто сопротивляемся этому нашествию.

Обадия возразил:

– Вот-вот, Хазрат! А мы, хазары, оказались заложниками ваших завоевательных планов. Мы и так чувствуем себя между молотом и наковальней. Не ваш ли полководец Хабиб Ибн-Маслама ещё в 654 году занял Армению и Грузию и не твой ли старший брат Сальман Ибн-Рабиах аль Балхи захватил Албанию, которая до того находилась под нашим протекторатом? Твой же второй старший брат Абд-ар-Рахман разгромил наш город Дербент, прошёл дальше к северу и осадил нашу столицу Беленджер. Осаду город выдержал, а подоспевшие войска кагана наголову разгромили войско твоего брата, который и сам погиб, а вместе с ним и четыре тысячи воинов.

– Ты правильно говоришь, Обадия! – аль Балхи помрачнел. – Брат Абд-ар-Рахман погиб тогда, мир праху его, а я еще был маленьким. У нас, в халифате, в то время начались междуусобицы, а Армения, Грузия и Албания фактически освободились вообще от какой-либо власти. Но помни, Обадия, что халифат давно уж находится в состоянии войны с Византией, и яблоком раздора всегда являлось Закавказье. Так зачем же вас, хазар, шайтан притащил туда? Я, конечно, понимаю, что каган решил наказать Алп-Илитвера за самовольные действия, но зачем же надо было опустошать все Закавказье? Ведь погибло множество народа, в том числе и правитель Армении Григорий Мамиконян со многими видными князьями, да ещё вы обложили эту Албанию тяжёлой данью. Поистине жадность вашего кагана не имеет границ. Хорошо ещё, что наш новый правитель Армении Мухаммед Ибн-Огбай вскорости освободил Албанию от вашего засилья и занял Дербент. Вам, хазарам, теперь не до Закавказья. Вы же теперь заняты дворцовыми интригами византийского императора, Юстиниана П. Не зря же ваш каган Ибузир Гляван выдал свою прекрасную дочь Иду замуж за этого интригана Юстиниана. Только подожди, обманет он вас. А всё почему?– Аль Балхи продолжал гнуть свою линию. – Государство ваше разноплемённое, не скреплено единой верой. Одни верят в могущественного Тенгри-хана, другие – в священный дуб, а третьи поклоняются воде. Рыхлый ваш каганат. Примите нашу веру в единого бога, Аллаха милостивого, будьте нашими союзниками, и тогда мы сокрушим Византию.

– Тогда, Хазрат, ваш халиф, обязательно обложит нас данью. Он недолго будет терпеть такого союзника. Так что пока сильна Византия, мы не боимся вас, арабов.

– Дурень ты, Обадия! – разозлился аль Балхи. – Ты забываешь о третьей силе – печенегах, которые наползают, как саранча с северо-востока и уже вытеснили венгров в Ателькузу и дальше на Дунай.

– У нас с ними мир.

– Хм! Надолго ли?

Оба собеседника молча принялись пить чай. Через некоторое время аль Балхи вдруг заметил:

– Не кажется ли тебе, Обадия, что вот этого, третьего, мы сюда, к своему дастархану, не звали?

Обадия уставился одним глазом на аль Балхи, а вторым, своим косым, глазом посмотрел направо. Действительно: рядом сидел, поджав под себя ноги, в странной одежде, некто третий.

Обадия охнул и пожелал, чтобы его разразил гром, потом поинтересовался:

– Кто это, Хазрат?

– Вот и я хотел бы тебя спросить об этом же? – ответил тот.

Аль Балхи щёлкнул пальцами, и сзади возник его слуга, непрерывно кланяясь.

– Вот что, Тахрир! Как сюда охрана пропустила этого человека?

– Прости, господин, но никто сюда просто так пройти не мог.

– Но ты же видишь этого, или у тебя вместо глаз пустые дырки?

– Разреши прикончить его тут же, – слуга вынул узкий кривой кончак.

– Как же! Это теперь невозможно. Он занял место на нашем дастархане и является гостем.

Аль Балхи учтиво обратился к возникшему из ниоткуда человеку:

– Кто ты, незнакомец? Назови себя, и будь нашим гостем.

Незнакомец, одетый в джинсовый костюм, заговорил на плохом арабском:

– Зовут меня Олег Медведев. Я историк и хочу добраться с вашим караваном до Боспора. Не бойтесь меня, люди. Я мирный учёный и прибыл в ваше время для изучения некоторых несовпадений в исторических событиях. Вреда от меня вам не будет.

Обадия хмыкнул и, помяв правой рукой больное колено, резонно заметил:

– Это тебе надо бояться, чужеземец. Один Тенгри-хан знает, как ты очутился среди нас. Моли своих богов, что жив, останешься и, если тебя не продадут в Таматархе в рабство.

Аль Балхи решил вмешаться:

– Погоди, Обадия! Если он наш гость, то будет под нашей защитой, и ни один волос не упадёт с его головы. Только вот пусть ответит на один вопрос, каким образом он незамеченным попал на вершину холма, окруженного тройным кольцом охраны?

Прибывший из ниоткуда молодой человек смутился, не зная как ответить. Не мог же он прямо сказать этим людям из раннего средневековья, конца седьмого века, что сама планета Земля – это гигантский ядерный котел, окруженный электромагнитным полем, и, из которого исходят слабые, узкие столбы гамма-излучений. Его просто не поймут. Один из таких столбов как раз и проходил через вершину холма, где расположились купцы и, которым воспользовался историк, как колодцем времени. Но ответить дотошному купцу было необходимо.

– Видишь ли, уважаемый, – обратился он к аль Балхи, – я из параллельного мира, изучаю историю Кавказа как раз вашего времени. А как появился в этом месте, смотри.

С этими словами незнакомец рукой указал на ожерелье, плотно охватывающее его шею. Ожерелье было изготовлено из какого-то чёрного металла, на котором располагались крупные квадратные камни, похожие на бриллианты. Незнакомец прикоснулся к одному из них, и исчез. Через несколько секунд он появился вновь.

Аль Балхи посмотрел на Обадию. Взгляд Обадии был столь же пуст, как и его черепная коробка. Однако, жаркий климат Иранского нагорья хоть и состарил костлявую фигуру аль Балхи и иссушил до срока пергаментную кожу его лица, но по счастью он, по-видимому, не иссушил его мозги.

– Аллах велик! – произнес, наконец, аль Балхи. – Я много путешествовал по миру, и многое повидал. Был в Синде \Китай\ и в Египте, не раз побывал в странах Магриба, посетил Рим и Константинополь. Не раз встречался с необыкновенными людьми и не перестаю удивляться безграничным способностям человеческого разума. Только вот для хрониста, человека ученого, ты слишком молод. А?

Олег не замедлил с ответом:

– Мне двадцать семь лет и я имею учёную степень доктора исторических наук в своём мире.

Обадия оживился, скинув маску тупости со своего лица.

– Доктор – это вроде врачевателя. А полечил бы ты мне ногу, чужеземец. Вот тогда мы и поверим тебе.

Олег предложил Обадии оголить больную ногу и, посмотрев на припухшее колено, приложил к нему какой-то маленький приборчик, закрепленный на запястье его левой руки. Обадия ощутил легкое покалывание в колене. Через некоторое время болевой синдром исчез. Откуда было знать купцу, что у него банальный артрит коленного сустава. Под воздействием прибора воспалительный процесс моментально прекратился, а немедленный приток синовидальной жидкости в суставную полость закрепил успех. Обадия недоверчиво уставился на

странного пришельца. Осторожно встав со своего места, он не ощутил боли. Для верности он подпрыгнул – всё хорошо. Погладил, помял колено – никаких признаков. Душу торговца захлестнула радость от такого быстрого исцеления, и он воскликнул:

– Хазрат! Это великий врачеватель! Никто не мог вылечить мою ногу, а он это сделал одним мановением. Хвала богам! Хвала великому Тенгри-хану за то, что он послал мне этого избавителя! Проси чего хочешь, чужеземец! У меня много всяких товаров и рабынь. Выбирай!

Олег, уже побывавший в подобных экспедициях, понимал, что отказываться ни в коем случае нельзя и, чтобы не обидеть купца, заявил:

– Хорошо, высокочтимый! Я что-нибудь выберу у тебя, хотя ни в чём не нуждаюсь.

Обадия никак не мог успокоиться, и, щупая чудесным образом выздоровевшее колено, крикнул, обернувшись назад:

– Эй, Арчи! Неси сюда самую лучшую еду для дорогого гостя!

Слуга Обадии, словно знал заранее, тут же принёс кожаный поднос, на котором лежали куски бастурмы \вяленое мясо\, горка изюма, вяленые персики и финики, халва, лаваш и серебряный кувшин с ширазским вином.

– Угощайся, дорогой! – Обадия на радостях не знал, как угодить

необычному гостю.

Однако аль Балхи решил все-таки проверить знания такого молодого историка.

– Послушай, хронист! А знаком ли ты с трудами великих мира сего: Платона, Аристотеля, Светония, Феофилакта Симокатты, Прокопия Кессарийского, Агафия и других учёных мужей?

Олег даже обрадовался, что может блеснуть знаниями:

– Я знаком с работами перечисленных тобою философов, многоуважаемый Хазрат ар-Рахман. Кроме них я изучал труды Аммиана Марцеллина, сирийского грека, воина и историка; трактаты Иоанна Малалы, византийского историка; а также Иоанна Эфесского, сирийского хрониста. Эти учёные жили и творили задолго до твоего рождения, а я изучал труды твоих земляков, которые придут в этот мир после тебя. Это Ибн-Русте, Ибн-Фадлан, Ибн-Хаукаль, арабский географ и путешественник. Или такие, как Истахри, арабский географ; Мукаддаси, ученый и литератор; Табари, историк; аль Бируни, ученый и писатель, да всех и перечислять долго.

– А откуда тебе известно моё имя, иноземец? – не унимался аль Балхи.

– Из трудов твоих великих земляков, уважаемый.

– Неужели мы с Обадией, ничтожные черви, будем запечатлены в истории? – аль Балхи с недоверием посмотрел на Олега.

– Обязательно! – ответил тот.

– На всё воля Аллаха, высокочтимого и милосердного! Прости мне моё невежество учёнейший муж, но ещё дед мой рассказывал, будто после нашествия гуннов и смерти их вождя Атиллы наступил мрак на земле, стало холодно, с неба падал чёрный снег, солнца не было видно, христиане молились и говорили, что пришёл конец света. Два года были неурожаи. Люди и скот во множестве гибли от бескормицы. А перед наступлением мрака тряслась земля, и не было спасения всему живому. Так рассказывал мне, маленькому, мой дед, а ему – его дед. Что же это сотворилось в подлунном мире? А? Может, ты знаешь?

В глазах аль Балхи застыло ожидание, а Олег мучительно подыскивал слова для ответа на довольно простой вопрос этим людям из раннего средневековья.

– Видите ли, уважаемые, в то далёкое от вас время наша планета пережила космический катаклизм. На Землю, с огромной скоростью упал астероид. Это такой камень величиной с тот путь, который вашему каравану предстоит пройти до Таматархи. Астероид врезался в Землю в районе Тибета. От такого удара, небывалой мощи, активизировались вулканы, огнедышащие горы. Проснулись даже те вулканы, которые давно считались потухшими. Они выбросили в

атмосферу Земли сотни миллионов тонн пепла, и на Земле наступил мрак, потому что живительные лучи солнца не могли пробиться сквозь эту толщу пыли и пепла. Травы перестали расти, а деревья распускаться и плодоносить – вот тогда и наступил мор на скот и людей. А землетрясения – это следствие от удара астероида. Два года, и это ещё мало, понадобилось, чтобы пыль и пепел осели на поверхность Земли. И это ещё благодаря атмосферным осадкам. Зато потом сразу наступили очень урожайные годы. Биосфера Земли обогатилась.

Аль Балхи с огромным уважением посмотрел на Олега, не говоря уж об Обадии. После недолгого молчания, сложив ладони, он торжественно заговорил:

– Благодарю Аллаха, милостивого и всемогущего, что на склоне лет моих он сподобил меня встретить и лицезреть столь учёнейшего человека! Отныне ты, многоуважаемый Олег, будешь почётным гостем нашим до самой Фанагории. Ходи свободно везде и никто не посмеет тронуть тебя или причинить тебе зло, или какой-то иной убыток.

Аль Балхи хлопнул в ладоши, и сзади возник слуга.

– Тархир! Позови Махмуда!

Обадия тоже крикнул, полуобернувшись назад:

– Арчи, позови Рогдая!

Когда оба начальника конвоев прибыли, и аль Балхи, указав на Олега, непререкаемо заявил:

– Это наш почётный гость, учёный муж, и мы дозволяем ему, свободно передвигаться по всему лагерю, и взять себе любой товар или раба, или рабыню по его усмотрению. Я всё сказал! Поняли ли?

Поклонившись, оба начальника сказали, что поняли, и всё будет исполнено. Покрасневшее солнце своим нижним краем уже коснулось горизонта, небо из выцветшего голубого сделалось охристо-зелёным, а из низин долины Кубани, тихо, словно змеи, наползали сизые ленты тумана. Беседа на холме, между тем, продолжалась:

– А ведь я, – заговорил аль Балхи, взглянув на Олега, – видел огнедышащую гору в молодости, когда побывал по торговым делам на Сицилии. Ох, велика сила земная! Из горы текли огненные реки, и пепел поднимался высоко в небо, и раскаленные камни взлетали, как птицы столь высоко, что глаз мой не видел, куда они улетали, и земля тряслась, как в лихорадке.

Помолчав, аль Балхи, вдруг, обратился к Олегу с неожиданным вопросом:

– А скажи нам, о учёнейший муж, да пребудет с тобой благодать и милость Аллаха во веки веков! Прости мне моё любопытство, но, если твои слова не ложь, будто ты из далёких времён и земель, ты знаешь труды великих арабских и византийских учёных, которые придут после нас, что будет с нашими народами и государствами хотя бы через сто, двести лет?

Олег, не раздумывая, заотнекивался:

– Что ты, что ты, уважаемый! Этика учёного запрещает нам при контактах сообщать вам исторические факты, которые произойдут. Они должны быть незыблемы, иначе история пойдёт вкривь и вкось, по ложному пути. Кривизна пространства и времени достигнет критической точки и ваш реальный мир разрушится. И так уже кто-то в далёком прошлом грубо влез в вашу реальность, и жизнь на Земле потекла в несколько искажённом виде…

Аль Балхи задумчиво погладил свою красную бороду и произнёс мудрые слова:

– Ты прав, чужеземец! Не хотел бы я знать, когда и при каких обстоятельствах наступит конец моей жизни, потому как потеряю покой и размеренность своих деяний, со страхом подсчитывая, сколько мне ещё осталось топтать эту землю. Ничего уже не будет меня радовать. Как ты думаешь, Обадия?

– Ты тысячу раз прав, друг мой, Хазрат! – воскликнул Обадия.

Олег, между тем, продолжил:

– Но чтобы вы не подумали, что я великий лжец, сообщу вам те факты, знание которых уже не сможет повлиять на ход истории, потому что петля времени уже затянута на горле

ближайших трёх-четырёх десятилетий. Сейчас 697 год от Рождества Христова. В Византии началась чехарда с императорами и ей не до Кавказа с его проблемами. Арабам же, для прочного владения закавказскими странами, нужно обезопасить себя от хазарского вмешательства. Поэтому в 713 году ваш старик, знаменитый арабский полководец Хабиб Ибн-Маслама оттеснит хазар из Албании (Азербайджан), и осадит Дербент. Оборонять его будет трёхтысячный хазарский гарнизон в течение трёх месяцев, и Масламе удастся взять Дербент только благодаря измене одного из городских жителей, показавшего подземный ход в крепость. Ибн-Маслама разрушит стены и башни. А потом этот неугомонный старец вторгнется в хазарские земли и дойдет до Семендера. Здесь он встретит огромное войско хазарского кагана, и отступит в Грузию. Хазары вновь захватят северную часть Азербайджана, и четыре года будут хозяйничать там, а в 721 году вторгнутся уже в Армению, и уничтожат там арабскую армию. Новый же наместник Армении Джерарх Ибн-Абдаллах аль Хаками выступит против хазар с вновь сформированной сильной армией. Эта война арабов с хазарским каганатом будет длиться полтора десятилетия. Джеррах получит предписание из халифата атаковать хазар на их собственной территории. Отбросив хазар к Дербенту, он возьмёт этот город без сопротивления и уже в Хазарии встретится с сорокатысячной хазарской армией, возглавляемой сыном кагана Барджилем. Арабов будет всего двадцать пять тысяч человек, но они наголову разобьют Барджиля, а затем стремительным маршем подойдут к Семендеру и осадят его. Жители сдадутся, и Джеррах не тронет их, и не разрушит город. Следующей будет столица Хазарии город Беленджер. Жители сдадут город, а каган бежит, оставив семью. Арабы пощадят город, но ограбят всё окрестное население. Узнав, что хазары собрали новую армию, Джеррах вернётся в Албанию, попутно обложив данью аланские племена. В 724 году новый халиф Хишам назначит в закавказские страны старого, но не знающего поражений, полководца Масламу, который каждый год будет нападать на южные провинции каганата. Однако халиф отзовёт его. Хазары воспользуются этим, и совершат новый набег на Албанию в 729 году. Халиф Хишам вновь назначит командующим арабского войска Джерраха, да только в 730 году хазарская армия под командованием всё того же Барджиля вторгнется в эту многострадальную Албанию. Возле города Ардебиля встретятся арабская и хазарская армии. В тяжелейшем двухдневном сражении хазары наголову разобьют арабов, и практически уничтожат их армию. Они не будут брать пленных, а сам полководец Джеррах погибнет. Жён и детей командующего победители разделят между собой, а также им достанется огромная добыча. К тому же будут перебиты все мусульмане, способные носить оружие. Слух об этих победах разнесется по всей Азии. Придется халифу вновь назначить командующим новой арабской армией старика Масламу, который разгромит хазарскую армию, и вытеснит её обратно в Дагестан. Маслама не станет брать Дербент, а пройдёт мимо, вторгнется в Хазарию, сжигая и разоряя всё на своём пути. Возле Семендера Масламу будет ожидать огромная армия кагана. Мудрый Маслама некоторое время повоюет с каганом, потом вернётся в Дербент, возьмёт его, построит там арсенал, и поселит в городе колонию сирийцев, которым и поручит охрану крепости. После этого уедет из Закавказья, передав все дела одному из самых известных и удачливых арабских полководцев Мервану Ибн-Мухаммеду – двоюродному брату халифа. А будет на то время Хабибу Ибн-Масламе девяносто семь лет. Мерван же разгромит сильную армию кагана, а когда тот запросит мира, потребует принять мусульманство. Каган согласится и станет на какое-то время мусульманином. Мерван вернётся в Закавказье, захватив громадное количество пленных и богатую добычу. Однако, несмотря на полный разгром каганата, Хазария не станет вассалом халифата. Уж очень разношёрстные народы населяют её. Арабы не захотят жить на завоёванных землях. Им не понравится холодная и мрачная северная земля. Через несколько лет каганат вновь окрепнет. Хазария сыграет большую роль в истории – она будет щитом, который заслонит восточноевропейские страны от арабов. Тем щитом, который выдержит атаки непобедимых арабских армий, возглавляемых полководцами, перед именами которых трепетали другие народы. Византии, как видите, ува-

жаемые, очень уж выгоден этот хазарский щит. Войны с хазарами постоянно оттягивают большие силы арабов от границ империи. Хазары практически спасли Византию от краха уже в этом, седьмом веке и дали возможность просуществовать империи ещё семь веков. Все годы, пока идёт, и будет длиться война Хазарии и халифата, Византия будет иметь некоторый перевес над арабами. Империя не раз будет провоцировать набеги хазар на северные провинции халифата. Для этого используются самые разнообразные средства. Византийский двор всячески льстит кагану и «ласкает» его. Да вы, уважаемые, лучше меня знаете об этом. А вот то, что император Лев Исавр в 732 году женит даже своего сына Константина на сестре кагана, знаю только я. Девушку будут звать Чичак, что означает «цветок». В крещении она будет известна как императрица Ирина, а её сын Лев, который будет царствовать в 775 – 780 г.г., получит прозвище Хазар. Как видите, хазарский каганат, населённый разными племенами и народами, будет постоянно сдерживать экспансию с юга от арабов, с запада от византийцев и от русских. Вот когда зародилось у народов Северного Кавказа стремление к свободе и независимости. И эта любовь живёт в их потомках до сих пор. Я имею в виду уже XX1 век. Северный Кавказ – это кипящий котёл. Не зря уважаемый аль Балхи, когда хазарские воины идут в атаку, над лавой конницы стоит громовой воинский клич: « Сар ба дар!», что означает: «Лучше смерть!». А ведь арабским войскам никто не мог противостоять, даже лучшие по тому времени византийские легионы с лучшим в мире вооружением. И всё-таки хазарский каганат доконает через два века русский князь Святослав. Я сказал вам, уважаемые, уже лишнее, за что прошу прощения.

Аль Балхи и Обадия, после таких откровений со стороны их гостя, сидели помрачневшие, опасаясь взглянуть друг на друга, а Олег проклинал в душе свою болтливость. Чёрт его дёрнул сбрехать о закате каганата да ещё от руки князя Святослава. Этим купцам и так нелегко заниматься торговлей в этом бушующем мире. Хорошо ещё, что между каганами и халифами существует договорённость не трогать торговые караваны во время военных конфликтов, но ведь есть большая опасность со стороны разбойничьих отрядов. Уж очень большой соблазн ограбить торговый караван. Купцам приходится нанимать и содержать хорошо вооружённую охрану из опытных воинов. Олег как-то виновато хмыкнул и заявил купцам:

– Простите, уважаемые! Я уж пройдусь по лагерю с вашего позволения.

Обадия поспешно, а аль Балхи с достоинством кивнули головами. Олег встал и спустился с холма вниз. Сзади возник окольчуженный воин и сказал по-тюркски:

– Мое имя Абдурахман! Меня прислал к тебе Махмуд.

– Хорошо! – равнодушно ответил Олег.

Когда Олег ушёл, аль Балхи, взглянув на Обадию, грустно сказал:

– Ну и напророчил нам тут этот хронист. Неужели Аллах допустит этакие страсти? А может, Обадия, и не было этого чужеземца. Может, это шайтан нам привиделся? Его проделки!

Обадия невольно пощупал колено, которое уже давно перестало болеть, и с сомнением покачал головой.

– А как же моё колено?

– Так шайтан на всё способен, мой друг.

–А как же Барджиль? Он же существует. Это двенадцатилетний сын кагана.

– Да-а! – аль Балхи задумчиво гладил бороду. А Джерраха я знаю, но он ещё очень молод. Я знаю его отца Абдаллаха аль Хаками и его дядю, полководца Саида Ибн-Амра аль Хараши, очень жестокого воина. Неужели Джеррах падёт от руки этого мальчишки Барджиля, да ещё будет перебито огромное число правоверных? О, Аллах! На всё твоя воля! Хишама, сына халифа я знаю, а вот Мервана, который пройдёт мечём и огнём по Хазарии, не ведаю. Хотя это, скорей всего, сын дяди Хишама, Мухаммеда. Ну да ладно, Обадия! Чему быть – того не миновать. А всё из-за того, что вы, хазары, не хотите принять нашу веру. Вместе мы бы сокрушили не только Византию, но и весь мир.

Обадия невозмутимо гладил своё колено. Казалось, что информация чужеземца мало его трогала, но в душе у торговца тлел огонь злобы на весь этот поганый мир и только жизненный опыт не давал ему выплеснуть эту злобу на кого-нибудь, и даже показать мимикой лица сотрапезнику, что он раздосадован…

*****

У подножия холма бил из-под земли родник с чистой и вкусной водой. Вокруг него суетились люди, набирая в кожаные вёдра воду. Погонщики верблюдов, возчики и воины поили скот, сами пили и умывались. Редкие женщины в хеджабах, очевидно рабыни, простирывали неподалеку кое-какое бельё. Вокруг горели костры. В вечернем воздухе носились запахи пригоревшего мяса и пшена. Раздавались визги и ржание лошадей, гомон большого скопления людей, звон оружия и хлопание бичей. Кое-где ремонтировали повозки, смазывали колёсные пары тележной мазью. Запах дёгтя и бараньего сала мешался с запахом немытых тел людей и пряностей, но всё перекрывал аромат разнотравья зацветающей, весенней степи.

Олег, неспешно проходя по лагерю с неотступно следующим за ним Абдурахманом, обратил внимание на странное расположение повозок. Все они были развернуты дышлами наружу, в сторону степи и поймы реки. Концы этих дышел были окованы железом и выглядели подобием больших копий. Подвязаны они были таким образом, что страшные концы их приходились на уровне груди лошади. Составленные повозки представляли собой борта гигантской лодки или ощетинившегося ежа. Проходы между телегами могли пропустить только одного человека. Олег понял, что такая импровизированная крепость – это жестокая необходимость обороны от возможных грабительских набегов для торговых караванов. Такую крепость неожиданным наскоком не возьмёшь. Вокруг этой колючей «лодки» паслись табуны лошадей, верблюдов и овец. Но даже и они были разделены на косяки и отары. Табунщики не давали смешиваться стадам. Чётко отличались косяки военных коней от тягловых. Со строевых не снимались сёдла и уздечки. Только один из табунщиков поочерёдно снимал с коня седло и, протерев тряпкой спину каким-то раствором из кожаного ведра, тут же водружал его обратно. Очевидно, начальники конвоев опасались внезапного нападения грабителей. Разумно. Люди, внутри лагеря, без суеты занимались необходимыми в походе делами: готовили пищу, оттачивали оружие, ремонтировали телеги и одежду. Арабы были одеты побогаче: под кольчугами виднелись шёлковые рубашки, шаровары заправлены в добротные сапоги, головы обриты. Хазары же, в основном, носили кожаные безрукавки, короткие юбки, разрезанные спереди и сзади, а также по бокам. Кольчуги были не у всех. Широкие кожаные штаны и такие же чувяки без каблуков заканчивали наряд. Головы их украшали одна или несколько косичек. С оружием никто из воинов не расставался. Кривые сабли на перевязях, усеянных бронзовыми или железными заклёпками. Обязательный кинжал и круглый щит из толстой, многослойной и просмоленной кожи за спиной. Привычные, они носили на себе около двадцати, а то и больше, килограммов брони. Каждый десяток воинов сидел возле своего костерка и ел просяную или ячменную кашу с бараниной из общего котла. Поесть горячего они могли только один раз в сутки и то только вечером.

Караван начинал своё движение рано утром по общей команде начальников конвоев. Для людей главным делом было напоить и накормить скот, на свои нужды они не обращали внимания. Такова была суровая необходимость того времени. Обычно впереди каравана шёл конный отряд хазар из двухсот хорошо вооружённых воинов, а замыкающей шла конница арабов, тоже из двухсот человек. В середине каравана располагалась конная дружина русов в количестве пятидесяти человек. Все четыреста пятьдесят воинов были наёмниками и содержались за счёт купцов. Кроме охраны в караване находились возчики, слуги и несколько рабынь. Это ещё около пятисот человек. Триста повозок с лошадьми и двести верблюдов, не считая стада овец на прокорм – караван был внушительным. Такой лакомый кусок, как магнитом притягивал к себе внимание грабителей, да только взять его могла сила куда большая. Всё это Олег оценил

сразу, а направлялся он к русской дружине. кпцов.щей шла конница арабов, тоже из двухсот человек.

В университете Олег кроме основного предмета изучал тюркский и арабский языки, фарси и греческий, ну и, конечно, древнеславянский. Знание древних языков необходимо было ему для путешествий по петлям времени. Интересно, поймут ли русы его язык, а, вдруг, нет? А может, он не поймёт их? Олег хотел развеять свои сомнения. Подходя к двум кострам русов, он услышал дружный взрыв хохота.

Ребята, в основном, молодые, безусые, сидели возле костров и ужинали или обедали. Несмотря на вечернюю прохладу, верхней одежды на них не было. По их, давно не мытым, мускулистым телам струился пот, создавая грязные разводы. Один из них рассказывал что-то смешное, а остальные покатывались от хохота, в экстазе похлопывая себя по коленям, обтянутым замызганными в долгом походе кожаными штанами, хозами. Один из них, видимо узнав, крикнул:

– Эй, Абдурахман! Иди к нам, поешь. И гостя своего веди.

Язык Олег понял без труда и от неожиданности споткнулся. Подошедшим людям освободили место и вручили, по сомнительной чистоты, роговой ложке. Олегу есть вовсе не хотелось, но чтобы не обидеть парней, он зачерпнул из закопчёного котла каши. Она оказалась не пшённой, как у других, а сваренной из высшего сорта ржи – полбы.

Каша на вкус оказалась отменной. В ней присутствовала какая-то травка и крупные куски баранины. Абдурахман, не обращая ни на кого внимания, наворачивал предложенную пищу, как говорится, за обе щеки. Парни же с интересом оглядывали Олега и его странную джинсовую одежду, деликатно помалкивая. Сами они уже поели, а потому из чувства гостеприимства не задавали вопросов, ожидая, когда люди насытятся. Олег отложил ложку и поблагодарил, как ему показалось, старшего, бородатого, в грубой, льняной и пропотевшей рубахе, человека.

– Имя моё – Олег! Я оттуда, – он махнул в сторону заходящего за горизонт солнца. Бородатый мужчина, кивнув головой в знак понимания, заговорил:

– Мы поняли, что ты грек из Боспора. Только говоришь ты как-то чудно, не совсем по-нашему. Ну да ништо, мы твою речь разумеем. Я Урс из рода Медведей, а это, – бородатый повёл рукой вокруг, – мои младшие братья и племяши. Вот уж третье лето нанимаемся мы для охраны торговых караванов к купцу Обадии. А имя-то у тебя, грек, нашенское.

Олег ответил:

– Фамилия у меня Медведев и, может быть, я имею какое-то отношение к вашему роду.

Бородатый более пристально посмотрел на Олега и промолвил:

– Одного из моих дядей, когда он ещё был маленьким отроком, кто-то украл, и с тех пор об нём ни слуху, ни духу. Очень может статься, что ты его потомок, а стало быть, наша кровь. Судя по твоему обличью, ты, вроде как, торговый человек. А какой товар везёшь? Чем торгуешь?

Олег, было, смутился, но ответил:

– Я учёный, други мои, хронист. Изучаю ваше время, людей.

Сидящий возле бородатого хлипкий с седой бородкой и усами человек, вдруг, заговорил по-гречески:

– Стало быть, ты знаком с трудами римского хрониста и философа Светония, а также Прокопия Кессарийского; патриарха Никифора; Себеоса – армянского епископа и историка? Я – Григорий и тружусь, дабы эти язычники увидели свет божий и возрадовались, просветлев душой.

– Метрон аристон, – Олег блеснул знанием греческого, – во всём должна быть мера. А ты, отче, должно быть проповедник, миссионер в племени вятичей. Только вот твоей жизни не хватит искоренить язычество среди славянских племён. Они ведь, даже крестя лоб, думают о военном боге Перуне, об верховном боге Свароге, а заодним о Хорсе, Дажьбоге, Стрибоге,

о Ладе и Макоши и многих других. Не так-то просто переменить веру, святой отец. А труды перечисленных тобою учёных мужей я не только изучал, но и сдавал экзамен, когда учился в университете. Можешь и ты, отче, проверить мои знания, я готов.

Задав несколько специфических вопросов и получив обстоятельные ответы на них, с которыми он не вполне был согласен, отец Григорий удовлетворился и, перекрестившись, заявил Урсу:

– Он не лжёт, сын мой. Это истинно учёный человек. Ему можно верить. Как он мог угадать, что все вы из племени вятичей? Это можно только знать.

Урс с одобрением посмотрел на Олега и, перекрестившись, сказал:

– Вот, Олег, возле меня сидят мои братья по крови: это вот Синеок, это Свенельд, вот Претич, Мирослав, Асиуд, Игорь и Мал. А это их и мои дети. Всех нас тут полсотни человек и торговец Обадия платит нам по серебряной монете на брата за каждую проводку каравана от Дербента до Боспора. Кроме этого, Обадия даёт нам и нашим коням прокорм. Наше племя вятичей платит хазарам дань. Только дань эта для нас не очень обременительна. Мы даём им лес и тележную мазь, потому как в их степях не растёт сосна и берёза, а в наших краях дремучие леса. Пусть берут и радуются. Нам не жалко. Так что, Олег, будешь нам братом. Держись нас – не пропадёшь.

Олег не первый раз, побывавший в средневековье, был умилён таким доброжелательством и широтой души русского вождя. Однако заметил:

– Благодарю тебя, Урс, но ты будь спокоен за меня. Убить меня или причинить какие-либо телесные повреждения мне невозможно. Я не из вашего мира, а потому недоступен ни для кого, но за доброе слово спасибо.

«Зачем я это им говорю»? – подумал Олег. – «Не поймут ведь, ещё подумают невесть что. Мол, с нечистой силой знается».

– А вот лучше скажи мне, – обратился он к вождю, – почему вы все без оружия и брони? Ведь вас могут застать врасплох разбойники.

Урс усмехнулся:

– Нет, Олег! Нас голыми руками не возьмёшь. Вон наша телега. В ней всё оружие. Эй, ребятушки! Оболокайтесь, спать пора.

Олег с некоторым удивлением смотрел, как ребятушки надевали на себя пропотевшие рубахи, разбирали из телеги и натягивали кольчуги, бронь, вооружались. Вооружение состояло из обоюдоострого меча средней длины на кожаной с бронзовыми заклёпками перевязи, прямого кинжала, ножа, пристегнутого к голенищу короткого сапога и маленького щита за спиной. Бородатые братья Урса, кроме этого, вынули каждый для себя по внушительному копью. Олег, заметив среди молодёжи девушку, которая тоже вооружалась, и, оторопев, обратился к вождю:

– Что это? Неужто и эта ходит с вами в бой?

– Это их сестра, Ума. Моя дочь. Она ходит в сечу наравне с братьями и это придает им гораздо большую силу и отвагу, а потому мы непобедимы.

– Да как в железе спать-то? – заметил Олег. – Неудобно же!

– Ничего! – успокоил Урс. – Мы привычные.

Люди, между тем, укладывались вокруг костра, побрякивая железом брони. Сумрак сгущался. Из степи тянуло сыростью и прелью пробуждающейся земли, ароматом весеннего разнотравья. Слышалось фырканье лошадей, пасущихся вокруг лагеря. Ущербная луна взошла над поймой Кубани. Лагерь постепенно затихал. Уставшие за день, люди отдыхали, только конные разъезды, поочерёдно уходили в степь. Олег тоже прилёг на примятую травку, положив голову, на предложенный Урсом конский потник. Сон не приходил. Вождь подал Олегу деревянный с резьбой ковшичек, на дне которого плескалась при свете луны какая-то чёрная бурда. От неё исходил приятный травяной запах. Олег глотнул настоя. Вождь вполголоса заметил:

– Отдохнёшь хорошо, но спать будешь в пол-уха.

Глава 2. НАПАДЕНИЕ

Все уже спали. Только проповедник, отец Григорий, стоя на коленях, монотонно творил молитвы и, крестясь, касался седой головой земли, да Урс, глядя на затухающие угли костра, думал о чём-то сокровенном. Беспечный Абдурахман расположился возле Олега и то ли спал, то ли прикидывался спящим. Наконец и Олег смежил веки. Сколько прошло времени неизвестно, но только Олег вдруг проснулся. Оглядевшись в сером сумраке, он заметил зеленовато-розовую полосу на востоке и уже довольно светлое небо с редкими звёздами. Странно, но почему-то обычного утреннего тумана не было. Со стороны недалёкой реки тянуло холодной сыростью. Олег машинально посмотрел на запястье своей левой руки, где сверкнул браслет с приборами, там же располагались и атомные часы, автоматически показывающие местное время. Была половина четвёртого утра. Рядом проснулся и привстал Абдурахман, протирая глаза кулаком. Вокруг стояла какая-то звонкая тишина, которую иногда прерывал посвист какой-то ранней степной птички. Но вот, вдруг, из степи послышался топот одинокого коня и, спавший неподалеку Урс, тут же встал. Неожиданно взвыли караванные собаки. Подскакавший всадник выкрикнул лишь одно слово:

– Касо-оги!!!

Лагерь мгновенно ожил. Олег во все глаза молча глядел, как парни, вскакивая, надевали окольчуженные по бокам островерхие шлемы и, торопливо подходя к Урсу, брали из его рук большую деревянную братину с какой-то жидкостью. Отпив глоток, передавали ковш друг другу и тут же, проскользнув между повозками, садились на коней, которых не рассёдлывали с вечера. Не прошло и полминуты, как весь отряд выстроился клином. Впереди с тяжелыми штурмовыми копьями наперевес встали братья Урса, который, возглавив этот клин, скомандовал:

– Мечи-и!

Послышался звон вынимаемого из ножен оружия, и тут же последовала команда:

– По-о-шёл!

Клин качнулся и сначала медленно, потом всё быстрее понёсся навстречу разворачивающейся в лаву коннице касогов.

Олег вскочил на одну из повозок и увидел, как дружина Урса с бесшабашной отвагой клином вошла в плотную массу неприятеля. Олегу показалось, что разбойников много, пожалуй, более тысячи. Земля дрожала от топота многочисленной конницы. Вот послышался звон оружия, и утро взорвалось непрерывным рёвом сражающихся. Жаркая волна запахов конского и человеческого пота (ветер задувал со стороны сражения) ударила в ноздри, да так, что Олег закашлялся на миг, лихорадочно оглядываясь. Стая стрел пролетела низко, прямо над головой. Абдурахман вскочил на повозку и закричал:

– Ты что, хронист, сдурел!?

Он был в шлеме с подвязанной под подбородком кольчужной сеткой. В правой руке его сверкнула сабля, а левой он прикрыл Олега большим византийским щитом. Четырёхугольный щит из многослойной кожи с наружной, выпуклой, стороны был окован листовой бронзой с изображением орла по центру. Олег продолжал вглядываться в гущу сражения. Благодаря утренней росе пыли не было. Видно было, как клин русов разрезал лаву косогов и вышел им в тыл, но уже затрубили рога, и конная лава из двух сотен хазар навалилась на правое крыло многочисленного врага с привычным боевым кличем: «Сар ба дар!» – (Лучше смерть!). На левый фланг касогов, во весь опор нёсся арабский отряд Махмуда с кличем: «Алла-акбар!». Все эти боевые кличи перекрыл глухой и тяжёлый топот тысяч копыт и звон стали. Рубка человеческих тел уже шла почти молча.

Олег, стоя на телеге, смотрел, недоумевал и дивился такому сгустку страсти и душевных сил, которые тратит смертный человек в этом бренном и преходящем мире, отстаивая дорогие ему, но странные убеждения, споря с роком, собирая и сохраняя какое-то там добро. Меж тем, как и он, и его нажитое, и убеждения, и власть – всё уйдет в свой черёд, обратясь в неясный шёпот старинных хроник. Только для тех, кто захочет почитать витиеватую вязь греческой скорописи, откроется истина тех страшных времен. Всё забудут потомки, а реальность-то – вот она.

Однако всю эту страшную картину сражения беспристрастно записывал один из кристаллов ожерелья Дарсин-поля на шее историка Олега Медведева

Между тем, маленькая русская дружина, разрезав касожские ряды, вышла им в тыл и навалилась на левый фланг неприятеля, который атаковали арабы. Правый же фланг, на который яростно набросились хазары, не выдержал удара профессиональных мясников и, несмотря на свое численное превосходство, обратился в беспорядочное бегство, теряя раненых и убитых. Хазарская конница тут же развернулась против центра и оставшегося левого фланга, который и был окружен. Касоги сдались, бросая оружие. Хазары кинулись за бегущими, пленяя их.

Пленных оказалось около пятисот человек. Их спешили и личная охрана Обадии, не принимавшая участие в битве, немедленно явилась с мотками сыромятных ремней. Пленникам связывали за спиной руки и, соединив жердями по пятёркам, усаживали на землю рядами. Коней, ещё дрожавших от напряжения, соединили в большой табун, успокаивая и закручивая бег животных по кругу. Разгром был полный. Обадия и аль Балхи прибыли на место битвы. Потирая руки от такого успеха, Обадия распорядился снять с убитых более или менее добротную одежду, собрать разбросанное оружие, подсчитывая дополнительную прибыль от продажи пленных.

Аль Балхи мрачно смотрел на суету людей, не принимая никакого участия в этом содоме. Не занятые в сече возчики уже пригнали косяки, напуганных боем гужевых лошадей, верблюдов и овец. Слуги купцов перегружали и увязывали товары на другие повозки, освобождая часть телег для своих раненых. Другие же добивали покалченых лошадей, вырезали кинжалами ещё тёплые куски мяса, складывали их в котлы и, залив водой всё из того же родника, запаливали костры. На раненых разбойников никто не обращал внимания, предоставляя им возможность самим умирать от страшных ран и потери крови. Воины, ещё горячие от боя, жадно пили родниковую воду. Весь караванный табор окутался смрадом от костров, крови, лошадиного и человеческого пота.

Хазары уже рыли общую могилу для своих убитых товарищей. Тоже делали и арабы. Олег Медведев, будучи научным сотрудником Института истории и уже не раз побывавшем в экспедициях времени, знал, что у тех и других практикуются ямные захоронения. Только хазары уложили своих в полном боевом вооружении, поставив возле каждого корчагу с водой и горшок с просом. А арабы, сняв со своих убитых лишнее, запеленали их в хлопчатобумажную ткань и посадили, прислонив спинами к стенам могилы. Возле каждого был положен его личный кинжал. После этого обе дружины, прочитав подобающие случаю молитвы и зарыв могилы, приступили к воинским почестям.

Хазарские воины, насыпав небольшой курган, образовали круг, пританцовывая и ударяя в такт саблями по щитам, медленно двинулись вокруг невысокого кургана. Они поочерёдно выкрикивали имя погибшего товарища и убыстряли темп движения. Вскоре хазары, обливаясь потом, уже неслись по кругу бегом. И, вдруг, по команде упали ниц, протянув руки в сторону могильной насыпи. Через некоторое время они поднялись и, беспрерывно кланяясь, начали пятиться от кургана спинами к лагерю.

Арабы же, захоронив своих покойников, опустились на колени, повернулись на юго-восток, в сторону священного для всех мусульман города Мекки в далёкой Аравии, и, уткнувшись головами в землю, произносили соответствующие суры Корана. После чего, резко вско-

чив на ноги и что-то прокричав, отступили к лагерю, кланяясь в сторону могилы и прижимая ладони к груди.

Надо отдать должное касогам. Воинами они были неплохими. Около полусотни хазар и арабов было убито, и это не считая раненых, которых врачевали теперь свои, доморощенные травматологи. И, видимо, древний опыт врачевания колотых, рубленых и резаных ран у них был на высоте. Нашлись и шёлковые нитки, и кривые иглы. Страшные раны дезинфицировались и промывались какими-то, припасенными заранее, растворами, а потом зашивались. Сверху накладывалась мазь, из какого-нибудь корня мандрагоры, похожая на мумие. Олег заметил, что в качестве противошокового, болевого синдрома лекари применяли какой-то наркотик. После чего на кусок хлопчатобумажной ткани клали глину, накопанную возле родника. Всё это прибинтовывалось чистым куском всё той же ткани. Аль Балхи не пожалел для этого целый тюк.

Олег смотрел на всё это и его сознание постоянно сверлила мысль о какой-то будничности происходящего. Как будто, так и надо. Люди деловито сновали туда сюда, что-то перетаскивали, говорили, пересмеивались и, как будто, не было никакой трагедии, и не кружили в утреннем небе стервятники, терпеливо дожидаясь ухода людей, чтобы с вожделением наброситься на трупы павших. Люди ели конину, отдыхали, молились, кто как может. По лагерю бегали с окровавленными мордами собаки, которые всегда сопровождают любые караваны. Да и люди, и кони, забрызганные своей и чужой кровью, мало, чем отличались от этих собак. Надо иметь крепкие нервы, чтобы не свихнуться от подобного зрелища. Но так казалось только историку из другого времени. Аппарат же Дарсин-поля на шее Олега продолжал всё это запечетлевать и тут же передавать информацию на компьютеры лаборатории времени института истории в Керчи.

Лимит воды в роднике закончился. Помыть себя и лошадь было уже невозможно. Собаки лизали грязь, а привыкшим ко всему людям, было хоть бы что. Ну и времена!!! Абдурахман принёс два котла конины, и успел наполнить их мутной водой. Водрузив конину на костры вариться, он где-то нашёл ещё один котёл и, с помощью возчика, принёс воды также и для питья. По-мнению Олега это была не вода, а зараза, но язычники считали, что сын бога Сварога Огонь очистит её. Попробуй вот переубеди этих далёких для историка предков, что такой водой даже руки мыть нельзя.

Как это ни странно, но дружина русичей явилась в лагерь в полном составе, только у одного парня была отрублена кисть правой руки, да вождь их, Урс, был ранен и, похоже, тяжело. Во всяком случае, подъехав к повозкам, упал с коня на руки спешившихся братьев, которые бережно положили его возле костра. Кое-как содрали с него окровавленную кольчугу и рубашку. Урс был без сознания, когда Олег подошёл к нему и увидел жуткую рану: правая лопатка была просто разломлена пополам. Чья-то крепкая рука нанесла удар копьём сзади. Пробив кольчугу, оружие раздробило кость лопатки и частично вошло в легкое. Олегу показалось весьма странным, что Урс не потерял сознание от болевого шока ещё там, на поле сражения, но вспомнил, что перед боем русичи что-то торопливо выпили. Девушка, Ума, спешившись, подбежала к отцу и, подсунув руки под его голову, запричитала. Отец Григорий и до того-то бормотавший молитвы, приблизился к раненому и, встав на колени, начал творить заупокойную молитву. Олег решил вмешаться. Свенельду, который по старшинству принял командование дружиной, он сказал, чтобы Урса перевернули раной кверху. После чего, приложив правую руку с браслетом на левую сторону шеи раненого, Олег избавил его от болевого шока и привёл в сознание. Урс, застонав, пришёл в себя. Тогда Олег приблизил к страшной ране левую руку с браслетом и один из кристаллов из прозрачного сделался сначала фиолетовым, а потом красным. Прибор конца двадцать первого века параллельного мира попросту анестезировал и временно атрофировал нервные цепи, мгновенно свернул мегалобласты крови и сделал сте-

рильным всю полость раны, автоматически прекратив начинающийся воспалительный процесс и общую паталогию. Урс осмысленно посмотрел на всех и произнёс:

– Мы победили, ребятушки!

Ума, с благоговением посмотрев на Олега, подала ему большой кусок белой хлопковой ткани, которой он и забинтовал раненого вождя. Вообще-то никто ничего и не понял, что там делал и каким врачеванием занимался новый знакомый вятичей.

Свенельд протянул Урсу ковш родниковой воды, зачерпнув её из котла. Олег, взглянув на эту воду, поморщился. Однако Урс глотнул и, вообще, повёл себя как здоровый человек. И тут Олег заметил парня с отрубленной кистью. Рука его выше локтя была туго перетянута ременной петлей, лицо его было бледно и искажено кривой улыбкой. Казалось, он что-то ожидал от сородичей. Взгляд его был как-то по-детски растерян.

– Как же я без руки-то? – произнёс он удручённо, держа в левой руке шлем, – я ведь теперя не воин, не пахарь, и девки на меня, увечного, глядеть не захотят.

Дружина смотрела на него сочувственно и молчала. Ума подошла к нему и, погладив его по грязным, свалявшимся прядям волос на голове, промолвила:

– Миленький Янек! Не тужи! Избы рубить ты сможешь и одной рукой, а девушки тебя полюбят и такого, понеже ты воин. Ты геройски сражался.

Раненый Урс добавил с улыбкой:

– Ты, Янош, положи только глаз на какую-нибудь. Я повелю – твоя будет. Нечего тут сопли распускать. Бился ты исправно, а вот как я оплошал, ума не приложу.

– Это я виноват дядя. Не сумел вовремя оборонить тебя сзади, – горько заявил парень.

– Отец, Янош не успел бы тебе помочь! – заметила Ума. – Руку ему уже отрубили, я видела.

Олег подошел к мальчишке и прежде, чем распустить ременную петлю, сделал барраж своим прибором вокруг обрубка руки. Рана перестала кровоточить и болеть. Все люди, забыв про воду и еду, уставились на Олега, как на мессию, только отец Григорий, мелко крестясь, не мог сообразить: то ли его взору открылся чудесный лик Божий, то ли сама преисподняя. Олег, между тем, спокойно сказал:

– Вы уж тут не говорите, в лагере, что я вас лечу, а то ведь мои возможности ограничены. Всем помочь я не смогу.

Ума смотрела на Олега немножко не так, как другие. Это Олег тоже заметил. К дружине русичей подошел Обадия в сопровождении неизменного Арчи. Торговец, благодаря своим долголетним скитаниям с караванами, человеком был довольно образованным: говорил на арабском, фарси и греческом. Но, кроме этих языков, он неплохо знал и славянский, за что его и ценил каган Ибузир Гляван.

Проще говоря, Обадия был торговым и дипломатическим представителем Хазарского каганата в других краях и странах. Но, если бы касоги взяли караван, а Обадия бы каким-то образом уцелел, конец его был бы один – на плаху. Поэтому, подходя к кострам русичей, он ещё издали начал кланяться, льстиво и одновременно искренне приговаривая:

– Хвала вам, словены! Если бы не вы – всем нам погибель. Жалую каждого из вас, кроме оговорённой платы, штукой китайского шёлка, а тебе брат Урс – вот! – Обадия положил возле вождя туго набитый кожаный кошель с серебром. Подошедший аль Балхи надел на палец Урса золотой перстень с дорогим карбункулом, выражая тем свою признательность русской дружине.

Как историк, Олег сразу дал оценку подаркам купцов. Подарки были очень дороги. Но надо признать, что цена товаров всего каравана равнялась, практически, трети, ежегодно собираемой казны халифа и потерять его – это довольно болшая неприятность. Головы торговцев, можно сказать, ничего не стоили для самодержцев, зато власть их в караване была безграничной. По знаку Обадии к кострам русской дружины подвели двух братьев, предводителей касо-

гов. Оба князя со связанными за спиной руками были оголены до пояса. Штаны их из дорогой камки были забрызганы кровью. Пленных поставили на колени. Их гордые и угрюмые взгляды шарили по рядам русичей. Обадия, указав пальцем на братьев, сказал:

– Вот ваши супротивники, Урс! Эй, Рогдай, Манассия! Кончайте их! Дикие псы не заслуживают милости.

Стоявшие, возле пленных князей, начальники охраны одновременно взмахнули кривыми саблями. Головы казненных подкатились к костру, удивлённо хлопая глазами. Из тел фонтаном брызнула кровь. Олег содрогнулся, а на присутствующих эта скоротечная казнь не произвела никакого впечатления, лишь только один аль Балхи брезгливо поморщился, да Ума потупила взор.

Олег сурово заметил:

– В нашем мире сначала проводят дознание, а потом уж суд выносит решение и оглашает приговор.

Обадия почтительно посмотрел на Олега, но твёрдо произнес:

– Уважаемый врачеватель, не знаю как у вас там, а здесь властью, данной мне нашим божественным каганом, я решаю и творю суд, и расправу по своему разумению. Разве глаза твои были закрыты, когда эти разбойники напали, как волки, на наш мирный караван? Они были с оружием. Зачем я попусту трачу слова, чужеземец? Разве их деяния нуждаются в каких-либо доказательствах?

Аль Балхи добавил, презрительно кивнув на обезглавленные тела князей:

– Думаю в ваших краях, хронист, такие вот, попросту подкупают ваших судей и это уж не правосудие, а скорей извращение. С такими судьями у нас в стране поступают так же, как с этими разбойниками. Над племенами алан, хронист, никогда не было твёрдой власти халифа или, – аль Балхи кивнул в сторону Обадии, – ихнего кагана. Мы, проводя караваны в черноморские порты, рискуем всем. Наши головы еле держатся на плечах, но, если бы мы не получали своей выгоды – разве стали бы мы заниматься столь опасным ремеслом? Ты посмотри, хронист, что я везу? Один, нагруженный перцем или имбирем, или гвоздикой из Хинда, верблюд, стоит мешка серебра. А ведь ещё я везу шёлк из Синда и хлопковую ткань, и ковры Хорасана, которых нет в странах кельтов и, за которые они заплатят мне золотом. Ты пойми, хронист! Хотя мы и враждуем с каганатом, и с империей, но у нас негласное соглашение: ничьи войска не имеют права грабить торговые караваны. Ну а разбойникам всё равно. Уж очень велик соблазн легко разбогатеть, если повезёт. Жадность правит миром, хронист. Богатство даёт власть. А вкусивший власти, уже больше никогда не расстанется с ней пока жив. Большая часть моих товаров принадлежит халифу, а казна его пополняется за счёт торговли и налогов. Также поступает и каган. Конечно, треть товаров наши с Обадией, но ведь ещё мы кормим людей каравана и платим воинам за проводку до портов империи…

Аль Балхи дипломатично умолчал о том, что за тех пятьсот пленных, которые волею случая оказались в его руках, они с Обадией получат огромные деньги, продав их византийцам. Большая часть этих денег, наверняка, достанется купцам. И только одному Богу известно, сколько получит казна кагана и халифа от продажи товаров, потому как конъюктура рынка постоянно менялась, и никто не мог предвидеть их истинную цену. Олег понимал, что в этом мутном торговом море опытные купцы наживают целые состояния и проконтролировать их коммерцию совершенно невозможно. Конечно, начальники портов, коммерциарии протевонов городов, куда прибывали торговые караваны, знали примерную стоимость товаров, сложившуюся на этот момент, но задобренные богатыми подарками, вовсе не заинтересованы были доносить на купцов халифу или кагану. Цены же, чаще всего, в разы превосходили средние. Облечённые той или иной степенью власти, люди, попросту, вымогали из купцов свою, как им казалось, долю доходов. И надо было обладать умом и хитростью, чтобы ловко маневрировать

в этом бушующем море человеческих страстей. Не каждый мог быть торговцем. Купец – это призвание. И судя по всему, опытные аль Балхи и Обадия были на своём месте.

Абдурахман своим кинжалом достал из котлов большие куски конины, выложил их на кожаные подносы. Ума принесла мешочек с драгоценной солью и бережно посыпала мясо. Урс предложил купцам разделить с ними трапезу. Купцы хоть и не хотели, но традиции гостеприимства нарушать было нельзя. Олег тоже взял кусок горячего мяса. Оно было жёстким и внутри еще сыроватым. Кроме этого мяса больше ничего не было. Однако ум Олега занимала одна мысль: как объяснить Обадии, что его колено через некоторое время опять заболит. И не только колено, но и голеностопные суставы, и фаланги рук. Как объяснить, что у него нарушен обмен веществ и, образующаяся мочевая кислота не выводится из организма в полном объеме. Наконец он решился.

– Уважаемый Обадия! – обратился он к нему, – хоть я и подлечил твою ногу, но всё-таки, если у тебя заболит другая нога или рука, или пальцы ног, или какие-либо другие суставы, ты сделай бальзам, о котором я тебе расскажу. Возле родника растет, похожая на копья, трава. Наши учёные называют такое растение «барбеккия лауридис». Так вот, корешки этой травы надо выкопать, высушить. Возьмёшь горсть корешков и такую же горсть берёзового нароста чаги, сваришь в котелке на медленном огне, остудишь, добавишь туда немного пчелиного воска и прополиса, ещё плеснёшь в этот отвар немного оливкового масла. Такой товар, как красный перец, у вас всегда есть. На кончике ножа ыпни его в отвар и, когда бальзам загустеет, сложи его в горшочек. Один раз в неделю на ночь намазывай на все суставы, болят они или не болят, обматывайся чем-нибудь тёплым и спи. Так будешь делать до конца дней своих. Болеть твои суставы не будут.

Обадия внимательно и почтением слушавший наставления Олега, полуобернувшись назад, крикнул:

– Эй, Арчи! – слуга наклонился к купцу. – Твои уши всё слышали, что сообщил нам этот досточтимый врачеватель?

– Да, хозяин! – послышался ответ.

– Исполняй!

– А где мне взять чагу, хозяин?

– А мне какое дело!

Синеок, один из братьев Урса, понимавший по-тюркски, обнадёжил:

– У нас чага есть, Обадия. Ума, принеси мой мешочек.

Когда девушка принесла, Синеок достал из него несколько черных кусков, передав купцу. Заодно он вынул какую-то палочку и воткнул конец в угли костра. Палочка начала тлеть, испуская синий дымок, который приятно пах, перебивая окружающую вонь. Синеок окурил подносы с мясом бормоча скороговоркой какие-то слова. Молчавшие до этого парни разобрали куски мяса грязными руками. Каждый отрезал по маленькому кусочку и бросил на красные угли костра. На всё это неодобрительно смотрел проповедник Григорий.

– Но это ещё не всё, уважаемый Обадия, – продолжил Олег. – Надо соблюдать диету.

– А как это понимать?

– Надо быть разборчивым в пище. Тебе нельзя есть жареное мясо.

– Что ты, врачеватель! Род Ашина всегда употреблял жареное мясо.

– А тебе нельзя. И рыбу соленую тоже нельзя.

– А что же тогда можно, врачеватель?

– Любые фрукты и любые овощи, а также любые каши кроме гороховой. Мясо, рыбу можно, но только варёные и только помалу. Аль Балхи не стал догрызать свой кусок мяса и бросил его через плечо. Подбежавший сзади пёс на лету поймал остаток. Тахрир, слуга купца, подал хозяину чистый кусок хлопковой ткани, который, взяв его, сначала вытер свою красную

бороду, а потом уж руки. Из сказанного Олегом он не пропустил ни слова, а потому важно заметил:

– Чужеземец правильно сказал, Обадия. Ещё наш великий учёный Ахмед Ибн-Мухаммед аль Русте, да продлится род его во веки веков, писал в своем трактате, что жареная рыба и мясо способствуют накоплению чёрной желчи в суставах. У человека распухают то ноги, то руки, а то и всё вместе и он не может пошевелиться от дикой боли. Достопочтенный аль Русте, да славится его имя в веках, советует в таких случаях голодать целую неделю, пить только родниковую воду и сосать мумие. Парни, жующие конину, ничего не поняли из монолога аль Балхи, потому что не знали арабского языка. Только Урс с Синеоком согласно закивали головами. Аль Балхи встал, прижал руку к груди и, поклонившись, поблагодарил вождя русов за такое, казалось бы, простое угощение.

– Пойдем, Обадия. Солнце уже поднялось высоко. Пора выступать. Сегодня нам надо дойти к вечеру до моря, где и заночуем. Там мы будем под охраной хазарской стражи и византийских разъездов; хоть выспимся без опаски.

*****

Купцы удалились, а Олег решил прогуляться по лагерю. Проходя в сопровождении Абдурахмана по шевелящемуся, как муравейник, скопищу разношёрстно одетых людей, он заметил возле одной из палаток армянского монаха. Тот сидел на обросшем лишайником камне погружённый в думы или молитвенное состояние. Капюшон его чёрной сутаны акрывал лицо, выглядывала только черная бородка да крючковатый нос. На капюшоне высвечивался христианский крест, вышитый серебряной нитью, но что-то подсказывало Олегу, что не монах это вовсе. Не было в его могучей фигуре смирения, присущего духовному лицу. Повелительным жестом правой руки монах остановил Олега и заговорил по-гречески:

– Кто ты, так странно одетый? Назови своё имя!

Что-то заставило Олега повиноваться и ответить на обычный в этих местах вопрос.

– Имя моё – Олег Медведев. Я историк, изучаю раннее средневековье на Северном Кавказе. Направляюсь в города Боспор, Херсонес и Константинополь.

Монах поднял голову и его чёрные, как угли, глаза прожгли, казалось, Олега насквозь.

– Речь твоя не отличается грамотой, да и обличье твоё и имя говорит, что ты из русов и принадлежишь к роду Медведей. Впервые вижу и удивлён, что у безграмотных язычников появился свой хронист. Я испытаю тебя. Ответь мне, какова сущность бытия по Аристотелю и по Платону?

Олег ответил.

– Хорошо, а знаешь ли ты труды Гевонда и Моисея Хоренского?

– Это армянские историки и писатели. Весьма выдающиеся личности.

Монах удовлетворённо кивнул. В это время из фургона, стоящего рядом с палаткой, выглянула молодая восточная красавица и, откинув резким движением чёрную копну волос, заявила по-тюркски:

– Юсти! Сворачивай палатку. Люди собираются.

Монах, полуобернувшись, ответил:

– Да, Ида. Пора. Повернувшись к Олегу, он снова заговорил, на этот раз на славянском, желая видимо, чтобы Абдурахман, стоявший сзади Олега, не понял его:

– Наши пути совпадают, хронист. И то, что ты из русов – это хорошо. Значит ты не шпион Двора. Только я не тороплюсь в Константинополь. Мы с тобой ещё свидимся. Иди с Богом.

Прозвучал походный рог, и возчики торопливо начали запрягать лошадей в повозки с купеческим добром, навьючивать верблюдов и укладывать в телеги раненых. Олег вернулся к Медведям. Ему предложили одного из захваченных коней. Урса, с прибинтованной к телу правой рукой, усадили в телегу, обложив его с боков подарочными тюками. Пленных касогов выстроили пятёрками впереди и, когда рог протрубил во второй раз, караван медленно

пришёл в движение. Впереди, по заведённому порядку, шла сотня конных хазар, потом пленные, за которыми следовали повозки вперемежку с гружёными верблюдами. Вся эта шумная армада растянулась более чем на три километра. Замыкал караван отряд арабского конвоя. Древняя караванная дорога вела на северо-запад, по которой ещё когда-то ходили сарматы и гунны. Здесь уже не было камней, иначе раненым пришлось бы совсем худо. Почва была мягкой. Пропитанный кровью многих поколений людей, двухметровый слой чернозёма мог бы давать гигантские урожаи. Хорошо, что ветер сносил пыль в сторону, хотя грязным людям и животным было, пожалуй, всё равно. После себя они оставили жуткое поле: вытоптанная степь изобиловала чёрными костровищами, вырубленными кустарниками. Никто и не подумал прибрать окровавленное тряпьё вперемежку с костями, мусором и скотскими испражнениями. Поодаль, в поле, лежали безучастные ко всему трупы людей, на которых уже садились пировать стервятники. Учуяв запах крови, отовсюду сбегались стаи степных волков. И уже слышался хруст костей и предсмертные крики раненых. Все это огромное, страшное пространство равнодушно озирало поднявшееся жаркое солнце…

Караван, между тем, уходил всё дальше и дальше, торопясь под защиту пограничных центурий византийцев и конных разъездов хазарских отрядов. И не могли уже родственники пленных отбить своих сородичей, потому что лучшие их воины лежали в степи в вечном сне, а предводители казнены. Мало того, волею кагана аулы касогов будут разграблены и сожжены, а люди проданы в рабство, за исключением тех, кто успеет скрыться в горах. А что? Обычная для тех времён картина. Не грабь, не воруй. Да только динамику человеческих страстей в мире подогревает всепоглощающая жадность. И как это ни странно, именно она является сильнейшим катализатором экономического прогресса в обществе. Олег, как учёный, это понимал.

Обычно люди любого торгового каравана вставали задолго до восхода солнца и, наскоро перекусив всухомятку, куском сыра или чёрствой лепёшкой, напоив лошадей, начинали монотонное движение. Караван шёл без какого-либо отдыха весь день, и только перед заходом солнца раздавалась команда на ночёвку. Вот тогда-то люди торопились приготовить себе что-нибудь горячее и то при наличии какого-либо горючего материала. Как правило, возле больших караванных дорог ничего не росло. Всё вырубалось и не только для костров, но и из соображений безопасности, чтобы ни у кого не возникало желания сделать засаду. Поднявшееся солнце не щадило никого. Касогам приходилось хуже всех. Они шли на пределе своих сил.

Потные ручейки, разбавленные кровью, проделали своеобразные овраги на покрытых пылью телах пленных. Исхлестанные хазарскими бичами, полуголые, они из последних сил загребали босыми ногами дорожную пыль. Пить им не давали, да воды и не было. Ничтожные остатки её берегли для раненых. Связанные пятёрками, касоги мочились на ходу, прямо себе в штаны. От них несло густым запахом мочи и пота. Горячее весеннее солнце добавляло мучений. Выдержать такой тяжкий переход могли только очень закалённые люди. Среди касогов пожилых не было. Обычно, именно пленные воины ценились на рынках работорговли довольно высоко: после верблюдов и скаковых лошадей для ипподромов Византии. В хазарском каганате было два таких центра: один в Таматархе, куда и направлялся торговый караван Обадии, второй располагался в устье Дона, где хазары торговали пленными воинами с Итиля (Волга), гузами, буртасами, даже с печенегами и славянами, да и другими народами, с которыми они воевали на севере.

День клонился к вечеру, когда измученные долгим переходом, люди услышали далёкий шум прибоя и крики чаек. Дорога повернула на север, а возле одного из прибрежных оврагов показался шест, на верхушке которого развевался конский хвост. Это означало, что здесь есть родник. Хрипло прозвучал рог, и караван растёкся вдоль обрывистого побережья, останавливаясь на ночёвку. Возчики и слуги, первым делом прихватив кожаные ведра, побежали в овраг за водой. Целый час ушёл на то, чтобы напоить людей, скот и пленных. А потом воины, спустившись по оврагу к морю, стали отмывать себя и лошадей от многодневной грязи, пыли и

засохшей крови. Из вырубленной тут же верболозы и орешника запылали костры. В котлах заваривали кашу с бараниной. Безучастные ко всему пленные лежали вдоль дороги. Приведшие себя в относительный порядок, воины погнали их к морю. Небольшими партиями, развязав им руки, загоняли в воду. Отмытым людям давали по куску вареной конины и засохшей пресной лепёшке. После еды опять связывали за спиной руки и объединяли в пятёрки. Касоги тоже были язычниками и являлись одной из ветвей народа алан, и, хоть номинально, но подчинялись каганату. И всё-таки горцы постоянно, из года в год, старались сбросить с себя хазарское ярмо. Им не нужны были ни византийцы, ни арабы, ни хазары. Свободолюбивые, они могли использовать любую возможность, чтобы сбежать из плена. Потому их, обычно, стремились, как можно быстрее продать гребному флоту Византии, где, прикованные к тяжёлым вёслам, они и заканчивали свои дни, если не удавалось сбежать.

Глава 3. ЮСТИНИАН И ИДА ГЛЯВАН

Ида, со своей служанкой Вадой, вот уже более трёх недель, тряслась в фургоне среди узлов, ковров и сундуков с приданным. Пришлось по воле мужа, Юстиниана, и отца, хазарского кагана Ибузира Глявана, ехать на северо-запад к черноморским портам Таматархе и Боспору. А зачем, для чего? Никто ей не говорил, и это удручало.

Планы мужа ей были неизвестны, и это её тяготило. Ей, принцессе царствующего дома Ашина, выросшей в неге и заботах матери Парсбит, в окружении многочисленной родни, слуг и роскоши, не пристало трястись на телеге, как простой жене кочевника. Но, как та, так и другая не имели права вмешиваться в дела мужчин. Весна этого года ей, девушке романтичной, принесла много впечатлений. Впервые за несколько лет зацвели, наконец, привезенные откуда-то с юга, кустики сирени. Посаженные вокруг одноэтажных зданий дворцового комплекса, они оживили серые стены, сложенные из дикого пластинчатого камня. А тут ещё зацвели каштаны и ранние сорта роз, и в душу восемнадцатилетней Иды пришла весна. Прогуливаясь по посыпанным крупным песком дорожкам дворцового сада, она с трепетом ожидала чего-то необычного от этой весны. И оно пришло.

Утром следующего дня Ида из узкого окна своей спальни увидела, как в ворота цитадели стража пропустила одинокого всадника, одетого в чёрную хламиду христианского монаха. Когда он уверенно спрыгнул с коня и откинул с головы капюшон, она обратила внимание, что это был высокий мрачный красавец лет тридцати. Вьющиеся волосы, густая чёрная бородка и прямой нос выдавали в нём византийца. Уверенный взгляд и осанка подсказали Иде, что никакой он не монах. Когда приезжий передавал поводья стражнику, на пальцах его рук сверкнули дорогие перстни, выдавая в нем далеко непростого человека. У Иды застучало сердце. Уж, не по её ли душу? В прошлом году уже приезжали женихи и уехали ни с чем. Отец Иды, Великий каган Ибузир Гляван, всё чего-то выжидал. И хотя считалось, что Ида засиделась в девках, принцесса царствующего дома такой обширной страны, как Каганат, и в тридцать лет была товаром очень дорогим. К тому же, девушка даже из простой семьи кочевника или земледельца и думать-то не смела, выбрать себе жениха по любви. Всё решал отец. А если не было отца, то брат, хотя бы даже и младший, или дядя, если не было братьев.

Уважаемому гостю отец семейства даже предлагал свою жену на ночь. И это было в порядке вещей. Никто мнением женщин не интересовался. Женщина рассматривалась в обществе всего лишь как инструмент для производства детей и различных хозяйственных надобностей. Единственное, что не имел права сделать отец семейства – это продать жену в рабство. И дело не в том, что судьи каганата жестоко покарали бы такого мужа. За женой стояла могучая сила её рода. Всё это Ида знала. Она была девушкой образованной. В гостевом доме постоянно жили учёные и мудрецы отовсюду. Они обучали детей кагана языкам, истории, философии и письму. При дворе ещё обретались арабские муфтии, иудейские раввины, христианские священники, которые надеялись склонить кагана каждый к своей вере.

Но каган Ибузир Гляван не желал изменять вере предков, оставаясь язычником. Молился солнцу, Великому и божественному Тенгри-хану, посещал священную дубовую рощу. Его примеру следовала вся его многочисленная родня, слуги, воины и другие хазарские роды. Соседние народы: буртасы, гузы, булгары, венгры, русичи тоже были язычниками, и иноземные миссионеры не бросали попыток «обработать» и их, да только у них ничего не получалось. Нелегко «раскачать» этих детей природы. Случалось, что и убивали миссионеров. Через сто лет от описываемого времени, правящая верхушка каганата примет иудейскую веру, совершив тем самым роковую ошибку. Крепкое феодальное государство, с которым приходилось считаться и Византии, и халифату, обрекло себя на развал. Но это ещё когда-то будет, а в настоящий момент в комнату к Иде прибежал десятилетний братишка Барджиль и сообщил сестре новость, о кото-

рой она уже догадывалась: отец принял решение отдать её замуж за приехавшего накануне одинокого всадника.

– Да кто он, Барджиль? – с замиранием сердца спросила Ида.

Шустрый мальчишка, хитро подмигнув сестре, выпалил:

– Император византийцев, Ида! Поедешь в Кустантинию. Будешь говорить по-гречески, носить корону и всякое там такое …

Ида поначалу онемела, потом нашлась:

– Ничего не понимаю. Почему же он один, без свиты? Так ведь не сватаются. Где подарки родителям и другим?

Барджиль растерянно ответил:

– Не знаю, Ида. Так решил отец. Ему лучше знать.

Загоревшаяся было радость у девушки, сменилась тревогой, страхом неизвестности. Она почувствовала себя ничтожной щепкой, которую бросили в бурный поток половодья. И сделать ничего нельзя. Её охватило ощущение обреченности. Эти мужчины делают, что хотят и невозможно возразить, что-то поправить. Почему всё происходит как-то тайно, не торжественно? Что же, отец не будет совершать, обязательные в таких случаях, обряды? Но она всё-таки царская дочь, а не какая-нибудь там наложница. Вопросы, вопросы, на которые нет ответов. Вот только воспитание приучило её сдерживать эмоции. Будь, что будет, решила Ида. Отец родной дочери зла желать не будет. Он человек мудрый, видно что-то затевает. Только ведь хитрых византийцев трудно переиграть. День прошёл в каких-то хлопотах, приготовлениях к языческому обряду брака. Свадьба явно предстояла быть какой-то скоротечной.

Утро следующего дня началось с мерного буханья большого барабана, звук которого разносился над Беленджером, рекой Сулак и полями виноградников. Жители столицы поняли, что каган выдаёт, наконец, свою дочь замуж. Любопытные потянулись к священной дубовой роще, которая находилась возле цитадели. Сама роща была окружена цепью воинов и туда никого не пускали, но народ устраивался возле ворот и вдоль стены. Хотелось увидеть жениха, который должен был пройти с непокрытой головой, в праздничных одеждах, в сопровождении двух жрецов и воинов.

И жители дождались. Жених был высокого роста, волнистая причёска на голове, чёрная борода и усы, прямой нос – всё выдавало в нем грека. Одет он был в шитую золотом хламиду с бриллиантовой застёжкой, из-под которой выглядывали остроносые красные сапоги. Взгляд жениха был суров и вовсе не соответствовал торжественному моменту. Больше горожане никого не увидели: невеста находилась в роще ещё с ночи, а кагана пронесли в крытых носилках, задрапированных китайским шёлком. Люди склонились в глубоком поклоне. По обряду, в священной роще, кроме отца, невесты и жениха никого не должно быть. Только жрецы. В роще возле большого дуба стояло грубо вырезанное из дерева древнее изваяние Верховного вождя хазар Тенгри-хана. Рядом сидели, поджав ноги, три старика в белых одеждах и горловым двухголосым пением возносили хвалу богам. Ида, в тонкой до пят тунике, обхватив часть ствола большого дуба руками, стояла, оцепенев, уже давно. Ей казалось, что стоит она здесь с самого рождения. Сумбурные мысли, как стрижи в поднебесье, проносились в голове лёгкими тенями под странное горловое пение жрецов. Откуда-то издалека доносился ропот толпы.

Прибывшему жениху, нравилось ему это или нет, пришлось встать на колени перед изваянием Тенгри-хана. Христианин, он понимал, что совершает кощунство, и желал только одного: скорей бы закончилось это языческое шоу. Как опытному политику, ему приходилось уже не в первый раз совершать поступки, которые шли вразрез с его верой.

Однако он понимал и другое: Византия, находясь в окружении враждебных народов, с другим вероисповеданием, должна проводить достаточно гибкую политику и не следовать слепо христианскому вероучению. Юстиниан старался выполнять заветы Константина Вели-

кого, основателя Византии, который твёрдо считал, что церковь не должна вмешиваться в светскую жизнь правящей верхушки государства, сковывать деяния человека, облечённого верховной властью. Да только иерархам церкви в своём фанатизме было абсолютно наплевать на дипломатию императора и его севастофоров. Они – эти иерархи, давно уже уверовали, что учение Христа неукоснительно распространится на все окружающие Византию народы и воссияет долгожданный мир на Земле. Да только народы-то так не считали. Наивные дети природы, для которых солнце, гром и молнии, журчание ручьев, клекот крылатых хищников и рык зверя производил, куда большее впечатление, чем совершенно непонятное им чудотворство Христа. И оно двигало их на враждебное отношение к империи. Не случайно гунны два с половиной века назад, пройдя вдоль побережья Понта Эвксинского (Чёрного моря), нанесли страшное поражение хорошо обученным римским легионам, разгромив и разграбив города Сирии и Малой Азии. И это только южная ветвь, а северная прошла Ателькузу, растрепав готов, и вторглась в римскую провинцию Паннонию и дальше, в Германию и Италию, захватив сам Рим. Как ни странно, но в грохоте разваливающихся крепостных стен и городов, гунны не забыли своих пустынных просторов и многие из них вернулись к себе на север, к милым полынным степям, клёкоту орлов, туманным восходам солнца, к призывному ржанию кобылиц.

Иерархи церкви предъявили Юстиниану обвинение в неисполнении христианских обрядов, несоблюдении постов, редком посещении храмов, предписаний патриарха. Отстранив императора от власти и добившись высылки его на север в отдалённый от метрополии Херсонес, они не учли того, что не все члены ущербного сената и императорского двора были согласны с таким решением. Юстиниан и воспользовался создавшимся положением, хитроумно сыграв на разногласиях и в метрополии, и в провинциях. Прежде всего, он начал «обрабатывать» Никифора Фоку, командира херсонесского гарнизона, чтобы тот поддержал его в борьбе за престол, обещая ему должность севастофора при дворе и высокое воинское звание архистратига византийской армии (равное маршалу), Ну, а уж командующего Готским легионом, военного трибуна и архистратига Феофана Гунна и « обрабатывать-то» не пришлось. Тот сразу заявил, что присяге, данной Юстиниану, он изменять, не намерен.

Кроме того, Юстиниан заручился поддержкой рядовых салдамариев (мелких торговцев) столицы . Однако, кто-то из горожан донёс на него в Константинополь, и ему пришлось бежать в Хазарию, где он попросил кагана помочь вернуть ему престол. Между тем, церковные иерархи и императорский двор никак не могли прийти к согласию, кого поставить у руля власти. И это было их ошибкой.

Время шло, месяц за месяцем. Халиф, Али ибн Мухаммед воспользовался безвластием в империи и назначил командующим арабскими войсками на западном фронте несгибаемого полководца Хабиба Ибн-Масламу, который тут же активизировал военные действия с византийцами. Империи грозила катастрофа. Каган понял, что с падением Византии арабы обязательно повернут свои конные байраки на север, против Каганата. Ибузир Гляван тут же принял решение выдать свою дочь Иду за свергнутого императора Юстиниана и помочь ему восстановиться на троне. В данном случае лучшего союзника, чем Византия, ему не найти. Борьба за Кавказ между тремя волками грозила разгореться с новой, ужасающей силой.

Стоя на коленях перед чуждым ему изваянием Тенгри-хана, верховным божеством хазар, Юстиниан прокручивал в голове различные варианты своего восстановления. Он чувствовал себя довольно уверенно в задуманных планах возврата к власти. Давно известно, кто хотя бы один раз в жизни вкусил властных полномочий, уже никогда не откажется получить их вновь, даже находясь в годах и неважно каким способом. Это ж величайший триумф души, малоизвестный рядовому гражданину. Такова уж человеческая природа.

Юстиниан знал очень хороший запасной выход: если ему по какой-либо причине не помогут протолкнуться к власти хазары, то ему поможет завоевать престол империи булгарский хан Тарвел, внук знаменитого хана Аспаруха, который поселил булгар на Дуне. К тому

же от Дуная до Константинополя гораздо ближе, чем из других мест. Всего-то пройти черноморским побережьем и вторгнуться в столицу. Предатели севастофоры, да и те же церковные иерархи тут же заявят, что они только и ждали Юстиниана. Он это чувствовал, а потому был уверен.

Думая обо всём этом, бывший император, наконец, вспомнил и о том, что он тут обретается не случайно, и надо бы хоть увидеть на ком его женят. Он, под загадочное горловое завывание жрецов посмотрел туда, вперёд, на огромный священный дуб, где и увидел её, распластавшуюся по корявому стволу, девушку в тонком хитоне из дорогой шёлковой ткани Хинда, которая, обняв дерево, прижалась щекой к нему и, казалось, не подавала признаков жизни. Но в тот момент, когда жених поднял голову и бросил свой взгляд на девушку, верховный жрец громко прокричал какую-то загадочную фразу. Ида резко оторвала щеку от дерева и, повернув голову, прямо взглянула на жениха.

Юстиниан остолбенел. Перед ним возникла девушка дъявольской красоты. Даже он, воспитанный на величайших произведениях античной культуры, был поражён. Это надо же, чтобы природа так постаралась. Юстиниан не мог оторвать глаз от этого удивительного видения, а жрецы замолчали. Для них этот миг единения двух сердец был очень важен. Именно в этом заключался секрет их верований. Низким голосом верховный жрец, скороговоркой, начал произносить древние слова заклинаний. Отец девушки, кинув в костерок с тлеющими кизяками горсть зёрен пшеницы, твёрдо и уверенно взял Юстиниана за руку. Тот послушно поднялся. Каган подвёл его к девушке, взяв и её за руку. Верховный жрец надел на головы молодых венки из каких-то трав, которые слабо и приятно пахли степью. Каган, подводя молодую пару к идолу Тенгри-хана, приказал им опуститься на колени. Верховный жрец поначалу взвыл, как волк в ночи, а затем объявил, что бракосочетание состоялось, и Тенгри-хан благословил молодожёнов на совместную жизнь. Вообще-то, Юстиниан примерно так и представлял себе языческий свадебный обряд. Совершив этот грех, чего не сделаешь ради политики, он внутренне попросил у Христа прощения и пообещал, что в первом же христианском храме заключит бракосочетание по церковному обряду. Это могла быть только Таматарха или Боспор.

Вернувшись во дворец и усевшись возле богато накрытого дастархана, Юстиниан заметил, что гости не пьют вина. Только ему налили в чашу чёрного греческого вина, которое он пригубил в честь не то невесты, не то жены. Гости и родня поздравили молодых и, поев, скромно удалились из общего зала. Подошедший слуга, игравший роль этакого древнего мажордома, объявил, что комната для молодоженов приготовлена. Ида, легко поднявшись, ушла, а экс-император, оставшись с каганом вдвоём, решительно воспротивился спать с девушкой, которая по его верованию не являлась ему женой.

– Узнал бы верховный жрец, – заговорил каган, – что ты вытворяешь, Юсти. Ты хоть понимаешь, что это оскорбление всему дому Ашина?

– Понимаю Ибузир, но ты человек образованный и хорошо знаешь, что по христианскому вероучению я не могу совершить столь тяжкий грех. Если византийцы узнают, а они узнают обязательно, что будет со мной? От меня все отвернутся и, прежде всего, воины. Столичные прохиндеи обязательно воспользуются возможностью обвинить меня в грехопадении и ереси.

– А может, ты сделаешь хотя бы вид, что идёшь в покои жены, а там уж договаривайся с ней о чём угодно.

– Да ты что, Ибузир! Как раз этого-то и нельзя делать. Среди твоих слуг наверняка есть мои недоброжелатели и всё станет известно.

– Хорошо, Юсти! Я договорюсь со жрецами. Задобрю их. Они промолчат. Эх! Боги! До чего же страшная вещь эта политика. На какие унижения она только не толкает. Заложники мы, рабы власти…

На следующий день в Беленджер пришёл арабский торговый караван Хазрата аль Балхи. Обадия, доверенное лицо кагана в торговых и дипломатических делах, присоединил свой кара-

ван к арабам, и они тут же выступили по древней караванной дороге на северо-запад, к Боспору.

Вместе с ними отправился и Юстиниан с мнимой женой. Сидя рядом с возницей в своём наряде монаха, он вспоминал свою языческую свадьбу и понимал, что Ида обижается на него.

Так уж издавна повелось и особенно на Востоке, что именно мужчина обучал девушку любви и делал её женщиной. А тут, якобы, муж, не делал никаких попыток сблизиться с девушкой. Длинные дневные переходы утомляли. Ида со своей служанкой Вадой спали по ночам в фургоне среди узлов и ковров, а Юстиниан ставил себе рядом палатку. Фургон сопровождали четыре могучих байрактара. Помимо обычного вооружения: кривого меча, двух кинжалов в два шибра длиной и боевого лука, байрактары имели копья, на которых пониже лезвия были подвязаны белые с красным конские хвосты, знак того, что они сопровождают особу царских кровей. Молчаливые, фанатично преданные кагану, они по знаку Иды, могли убить кого угодно, хотя бы и мужа или самого Обадию. Багатуры были профессионалами высочайшего класса, и даже спали окольчуженные, не снимая брони, как собаки, чутко прислушиваясь сквозь сон к малейшему шороху. Впрочем, и спали-то они по очереди, надёжно охраняя сон своей госпожи. Приказы Юстиниана они презрительно игнорировали, и исполнить их могли только с разрешения Иды. Правда, бывший император считал ниже своего достоинства их замечать. Утренний бой охраны каравана с касогами поразил Юстиниана своей скоротечностью и беспримерным мужеством русской дружины, которая первой решительно кинулась в самый центр касожской конницы, предрешив их разгром. «Мне бы такую дружину. Хотя бы одну когорту в тысячу воинов. Я бы легко вернул трон императора – подумал Юстиниан. – Едва ли уговоришь этих язычников класть свои жизни на алтарь чужих интересов. Но ведь Обадия сумел нанять этих русов для охраны каравана». Эта мысль засела в голове экс-императора прочно.

Юстиниан, конечно, знал, что русское племя вятичей было связано с Каганатом данью. Но одно дело выплачивать дань брёвнами, дёгтем и тележной мазью и совсем другое дело заниматься охраной торговых караванов. Бывшему властителю византийцев невдомек было, что русов влекла сюда чужая и загадочная культура народов Кавказа, Византии, и окрестных стран.

Любопытство – вот движущая сила, присущая любому человеку и его не остановит никакая опасность. Дети природы, они никого не боялись, потому что были объединены в роды, кланы, где каждый, ощущая себя клеточкой этого рода, действовал по духовному принципу: положи живот свой за други своя. И этой силе могла противостоять только сила ещё большая. Это далеко потом их, северян, развратит и разделит зависть и жадность товарно-денежных отношений, а объединить их сможет только церковь, да и то скорей номинально. И все эти противоречия шли с юга, постепенно завоёвывая души язычников, извращая первоначальную сущность их сознания. Всё это видел, ощущал, переживал и записывал только один человек среди раскинувшегося по побережью Чёрного моря обширному лагерю каравана. Этим человеком был сотрудник лаборатории проблем времени и кривизны пространства, историк Олег Медведев из параллельного мира.

*****

Люди каравана, в том числе и охрана, находясь уже в коротком переходе до черноморского порта византийцев Таматархи, расслабились. Спало напряжение многих суток передвижения. К тому же, подошёл тысячный конный отряд хазар, командир которого Ханукка заявил при встрече Обадии и аль Балхи, что он уже знает о нападении касогов на караван и, что их послал наказать грабителей наместник кагана тудун Папаций. Люди каравана, помывшись ещё холодной морской водой, напившись родниковой воды и поев, что имели, развеселились. Послышались взрывы хохота, звуки камышовых дудок и рогов, частая музыкальная дробь маленьких барабанов и бубнов.

Вокруг костров из хвороста и малиновых от температуры кизяков стали крутиться хороводы полуголых воинов в ритуальных танцах. Зрелище, надо прямо сказать, не для слабонервных. Потные тела воинов, и так-то в боевых шрамах, резались собственными ножами и кровь, выступающая из ран, только увеличивала возбуждение. Олег, глядя на эту странную вакханалию, где и в помине не было вина или каких-то наркотиков, удивлялся. Ведь раны – это же открытые ворота для любых инфекций. Вообще-то, Олег понимал, что у этих людей в настоящий момент идёт сильнейший выброс адреналина в кровь и гормональный всплеск на порядок выше обычного, а, стало быть, иммунная система организма активизируется. Любые бактерии тут же гибнут. Ещё римский врачеватель Гален писал в своих трактатах, что лежащий без движения больной обречён, за редким исключением. Древняя физиотерапия в данном случае действовала безотказно…

Олег подошёл к костру русской дружины, проведать их раненого вождя Урса. Тот лежал в телеге в тяжелейшей лихорадке, безучастный ко всему. Только дочь Ума смачивала тряпку в родниковой воде и клала её на лоб родителю. Рядом отец Григорий читал монотонным голосом

отходную. Ума посмотрела на подошедшего Олега с какой-то тоскливой надеждой. Луч заходящего солнца отразился в её скупой слезе, медленно стекавшей по щеке. Олег ободряюще улыбнулся ей и произнес, взяв вождя за запястье руки:

— Рано вы его отпеваете. Лихорадка означает, что его организм активно борется с воспалением.

Приложив свой биоактиватор, Олег в течение одной минуты ликвидировал очаг воспаления и отек поражённого легкого. Потом, переделав кристаллическую решетку в кластерах воды в чашке и зарядив их положительной информацией, Олег подал посудину Уме и сказал:

– Пои его по глоточку. Утром он встанет. Про себя же подумал:

«Надо же, в бой бросается без страха, сцепив зубы, а тут так растерялась. Да для них жизнь и смерть – родные сёстры, загадочные и близкие. Чего уж там». Только отец Григорий молча крестил себя, Уму и, уходящего в спину, Олега, мало что соображая.

Обадию и аль Балхи Олег нашёл невдалеке от дружины русов. Опять, как и сутки назад, они сидели на походных ковриках возле костерка, где на треножнике стоял неизменный в таких случаях кумган с чаем. Рядом с ними расположился человек богатырского сложения в военном облачении. Это был командир хазарского отряда Ханукка. Он, с удовольствием прихлёбывая чай, рассказывал купцам последние новости из Таматархи. Обадия, увидев своим косым глазом подходящего Олега, встал и поклонился ему, приглашая к костерку. Аль Балхи важно кивнул историку, а Ханукка поняв, что подошедший – значительное лицо в караване, прижал ладонь к сердцу и поклонился бритой головой. Олег устроился возле Обадии и Тахрир, слуга аль Балхи, налил ему в китайскую пиалу чая. Не успел ещё Олег отпить и трёх глотков, как два воина подвели связанного человека с разбитым лицом. Один из воинов, поклонившись купцам, сообщил, что этот человек, возчик Обадии, выдал касогам состав конвоя.

– Повесьте его! – коротко бросил Обадия.

Другой воин заметил:

– Так вокруг нет ни одного дерева, хозяин.

– Тогда закопайте его живьём. Оставьте только голову, чтобы люди, проходя завтра мимо этой падали, плевали ему. Потом лисы и шакалы обгложут его глупую башку.

Воины увели предателя. У Обадии, один глаз уставился на аль Балхи, второй был направлен на военачальника Ханукку. Будничным голосом он произнёс:

– До нас дошли вести, Ханукка, что старый хрыч Хабиб Ибн-Маслама двинул свои байраки на Сирию и потеснил там византийцев. А всё потому, что в Кустантинии идёт грызня. Тамошние дураки никак не поделят власть. Добрый у них был император Юстиниан, так ведь спихнули его, и теперь у них бардак.

Ханукка отставил свою пиалу в сторону и, пригладив щеточки усов по бокам большим и указательным пальцами, изрёк:

– Не опасайся, уважаемый Обадия. Это только слухи, что полководец арабов, Хабиб Ибн-Маслама непобедимый воин. Чего же тогда он застрял под Тиром на всю зиму. Байраки его захлебнулись в грязи, а лошадям и воинам нечего было жрать. Я ещё вчера имел беседу с командующим Италийского легиона в Боспоре Георгием Метаксой. И мы договорились, в случае чего, пройти побережьем Понта (Чёрного моря) и ударить по армии Масламы с севера. Кроме того, старый болтун Хабиб никогда не осмелится пройти мимо Фасиса и напасть на Хазарию с юга. Эта византийская крепость с гарнизоном из трёх когорт – кость в его горле, которой он и подавится.

Аль Балхи мрачно слушал стратегические выкладки хазарского военачальника, который, закончив речь, распрощался с купцами и ушёл в расположение своего отряда…

Солнце зашло, и темнота быстро сгущалась. В степь вышли конные разъезды хазар. Уставшие за день, люди каравана укладывались, кто где мог, спать. Обадия предложил Олегу свою палатку, но тот вежливо отказался, сославшись на то, что ему надо навестить раненого Урса. На самом же деле ему надо было на час вернуться в лабораторию для краткого доклада о своих соображениях по поводу происходящего заведующему лабораторией, Рудольфу Целлариусу, а уж он наверняка сделает свои замечания. Хотя Олег не в первый раз находился в исторических командировках и ко многим зверствам привык, но короткая расправа с предателем его поразила. Надо же: закопать в землю живым человека, оставив на поверхности только голову, которую после ухода людей будут обгладывать лисы и шакалы, а тот и поделать-то ничего не сможет. Страшная казнь.

*****

Тихо бредя по лагерю мимо затухающих костров и спящих вокруг возчиков и воинов, Олег отыскал по наручному прибору невидимый и совсем слабый столб гамма – излучения. Вокруг было тихо, только слегка потрескивал на шее историка генератор Дарсин-поля. Олег вошёл в столб и растворился в сером сумраке. Неподалеку, ещё неспящий хазарский воин, выпучив от удивления и страха глаза, упал на колени и в немой конвульсии стал биться бритой головой о землю. Христианин или мусульманин философски заметили бы, что на всё воля Бога, а язычников пугало всё непонятное и, не знавшие пощады к своему врагу, эти наивные люди терялись в подобных случаях.

Вообще-то, особой необходимости часто возвращаться в лабораторию не было, но суровый заведующий, доктор Рудольф Целлариус, завёл порядок, при котором каждый сотрудник, находящийся в командировке, должен был являться в течение 72 часов один раз для тактической корректировки своего поведения. Хотя микропередатчик, вживленный под кожу на плече Олега, точно дублировал передаваемую информацию аппарата Дарсин-поля, а памятные машины в лаборатории досконально записывали на микрокристаллы ощущения командированного: мысли людей, запахи, вкусы, цвет и так далее, заведующий всё равно требовал личного контакта. Вот и в этот раз, заведующий встретил Олега не очень-то дружелюбно. Большой зал лаборатории был почти пуст. Только у одной стены сидели два оператора за пультами памятных машин и генераторами Дарсин – поля. Противоположная стена являлась гигантским экраном, который передавал всё, что происходило с сотрудником в научной командировке, вплоть до его снов там, в другом мире. Никаких окон в зале не было, и свет лился в него откуда-то сверху. Целлариус усадил Олега на слабо видимый пуфик и устроился рядом на такой же. Выслушав краткий доклад историка, он заметил:

– Ты зачем же приоткрыл завесу времени этим купцам? Пусть хоть бы и всего-то на тридцать лет в будущее. Изменить петлю времени своей болтовнёй они уже не смогут, но ты нарушил, хоть и косвенно, основную нашу заповедь: не навреди. Могу ведь и не отпускать тебя обратно, но тогда уж я нарушу эту же заповедь. Поскольку ты «засветился» там, тебе никак

нельзя вот так просто исчезнуть из сознания тех людей. Твоё внезапное исчезновение вызовет в их душах переполох и мы не сможем точно спрогнозировать их поведение, а стало быть, может произойти незапланированное изменение реальности. Пусть хоть и небольшое, но рассчитать его последствия в далёком будущем едва ли возможно. Кроме того, придётся, несмотря на лишний расход энергии, усилить твой аппарат Дарсин-поля на две единицы. Их бактерии не окажут на тебя никакого воздействия. Но всё дело в том, что за пятнадцать веков эти бактерии мутировали и теперь уже ты представляешь для тех людей большую опасность. Вполне могут возникнуть эпидемии. Нам только этого не хватало. Ну да уж мы позаботимся о том, чтобы ни одна бактерия, ни один вирус не покинул твоего тела. Да смотри, Олег, не влюбись там в какую-нибудь красотку. Древние девушки не такие искушённые в любовных хитросплетениях, как наши современницы, а это придаёт им определенный шарм, на который и ловятся наши молодые историки. Хотя это вопрос спорный. Целлариус хохотнул и хлопнул Олега по плечу.

– Научные открытия, Олег, – задумчиво продолжил начальник лаборатории, – наваливаются сейчас на нас лавинообразно. Я всё жду, парень, когда наши физики дадут нам возможность путешествий во времени в нашем, родном мире. А то ведь получается, что в параллельном мире мы можем гулять свободно, а в своём так нет. Кстати и они в наш мир могут окунуться легко, если сумели овладеть энергией Дарсин-поля. Правда в своей истории копаться… . Ну, да ладно! Старые люди говорили, что человек в своей жизни должен построить дом, родить сына и вырастить дерево. Выражение образное, но это из области общечеловеческих ценностей. Тебе вот лет уже немало, а построил ли ты свой дом? Сына ты не родил, потому как девушки любимой у тебя нет, насколько я знаю. Ну, а уж что ты вырастил, решай сам.

Медведев хотел, было ответить сразу, но, увидев предостерегающе поднятую ладонь учителя, осёкся и задумался.

– Я вот в своём мире до сих пор девушки любимой не нашёл, так вот возьму, да и из того мира какую-нибудь красавицу приведу! – заявил, вдруг, ухмыльнувшись, Олег. – И мы вместе сумеем построить свой дом, и всё остальное…

– Ладно, хватит болтать, Олег! – улыбнулся Целлариус, не обращая внимания на шутливый тон своего сотрудника. – Человека оценивают по объёму его дел, по тому вкладу своего труда в общую копилку ценностей. Отправляйся обратно. И будь осторожен, веди себя осмотрительно…

Глава 4. ТАМАТАРХА – БОСПОР

Час спустя Олег вернулся на прежнее место через тот же столб гамма-излучения. Вокруг спали вповалку люди. Воина, которого угораздило увидеть, как историк растворился в воздухе, не было. Видно, сбежал куда-нибудь со страху и рассказывал другим об этом чуде. Ему, конечно, не верили и крутили пальцем у виска, чем вводили его душу в ещё большее смятение. Олег пришёл в становище русов, нашёл себе местечко возле спящего Абдурахмана и заснул со спокойной душой. Равнодушная ко всему луна проливала свой жидкий свет на это огромное спящее стойбище людей, коней, верблюдов и собак.

Утром, едва рассвело, караван зашевелился, как растревоженный муравейник. Люди в этот раз неторопливо запрягали лошадей, навьючивали верблюдов, всухомятку ели, давясь кусками козьего сыра, чёрствыми лепёшками и кусками недоеденного с вечера мяса. Напоив скот, и даже не умывшись, что, в общем-то, было привычно, люди по звуку рога двинулись в последний переход. Впереди маячила Таматарха…

Город этот возник на развалинах античной Гермонассы и был в описываемое время самым крупнейшим перевалочным пунктом, где скрещивались многие морские и сухопутные дороги Предкавказья. Русские впоследствии назовут Таматарху Тмутараканью, и это будет самый богатый удел Киевской Руси. Некоторые русские князья ещё и будут обижаться, что им достался при дележе такой отдалённый угол. А зря. Во всем Киевском государстве не было богаче провинции, чем эта Тмутаракань. И всё благодаря торговле. Но это будет много позже, в десятом веке. А пока шёл месяц Нисан, и начались полевые работы. Наступал 700-й год от Рождества Христова. Караван Обадии прибыл в Таматарху очень даже вовремя, накануне, Пасхи, священной для всех византийцев, для всех христиан.

Город насчитывал более тридцати тысяч разношёрстного населения, имел церковь, мечеть и синагогу. Недалеко от порта заметно выделялись своими красными черепичными крышами двухэтажные здания администрации города и суда. А в центре площади, где горожане проводили собрания, располагался общественный колодец с великолепной водой и двумя большими каменными корытами для пойки скота. Вокруг центральной части города и порта со складскими помещениями, теснились дома горожан, тоже из камня и под черепичными крышами, что и официальные здания нотариата. Горожане были людьми зажиточными. Правда, каждый дом обязан был мостить свой участок улицы за свой счёт. Ну, люди и мостили: крупными осколками от пифосов и амфор, костями скота и, попавшими под руку, камнями. Кому же хочется платить немалые суммы штрафа, налагаемые хартуляриями города?

Улица представляла собой слоеный пирог. Кстати говоря, такое же городское устройство имела и, расположенная в четырех фарсангах (один фарсанг – это шесть километров) к востоку от Таматархи, Фанагория, бывшая столица Великой Булгарии с населением в десять тысяч человек. Интересно то, что ни Таматарха, ни Фанагория крепостных стен не имели – это Олег отметил, как только караван Обадии и аль Балхи подошёл к городу. Вообще-то такое скопище людей и скота на рынки городов сразу не допускалось. И это все знали. Выдерживался подобный карантин долго. Городские власти боялись эпидемий. Сколько такой карантин мог длиться, никто толком не знал. Зато все прибывающие в город торговцы знали одно: надо дать бакшиш (подарок) протевону города и тогда коммерциарии, грубо подсчитав товар и примерную прибыль купцов, брали таможенную подать в казну города, не забывая в первую очередь себя. Это, между прочим, и бало их «зарплатой».

Побывав ранее в таких крупных городах, как Константинополь и Александрия, с их трёхсоттысячным населением, Олег, будучи уже достаточно опытным исследователем и специалистом по раннему средневековью, отлично понимал, что вообще что-либо на рынках городов с постоянно прибывающими отовсюду торговыми караванами точно подсчитать товар было

просто невозможно. Зато этим хорошо пользовались, набивая свои карманы, городские чиновники. Многие из них уже и сами, через подставных лиц, владели целыми торговыми флотилиями. Народ портовых городов Византии, зная о прожорливости коммерциариев, относился к ним негативно. Киевская Русь и Россия в последующем, являясь прямой наследницей Византии в духовном смысле, получила весь богатейший набор коррупции для опыта будущих поколений.

Караван Обадии прибыл в Таматарху, когда солнце перевалило за полдень, и остановился на окраине города. Городские власти, опасаясь эпидемий, устанавливали карантин, но здесь был особый случай: на следующее утро горожане встречали Пасху, а этот караван был первым и протевон города, Николай Папу, распорядился впустить товар на рынки Таматархи. Пришлось нотарию протевона Деметру Бате отправиться к купцам незамедлительно. Обадия и аль Балхи уже ждали нотария. Для приема официального лица был поставлен шёлковый шатёр в жёлтую и синюю полоску. У входа были воткнуты шесты, на одном из которых развевалось зелёное знамя пророка Мухаммеда, а на другом красно-белый бунчук кагана. По бокам входа стояли арабский и хазарский воины с полным вооружением. Рогдай, начальник хазарского конвоя, встретил нотария и провёл в шатёр купцов. Там нотария встретили с поклонами Обадия и аль Балхи. Усадив Деметра на ковёр, купцы принялись угодливо его угощать сыром, изюмом, орехами в меду и ширазским вином в серебряном кувшине. Нотарий, пожевав горсть орехов, от остального отказался.

– Нельзя мне, Страстная суббота, уважаемые! Как добрались-то? До нас дошли слухи, что вас пытались ограбить.

Аль Балхи, огладив свою красную бороду, важно произнес:

– Милостью Аллаха, хорошо. Дождей не было, товары доставили в целости и сохранности, от грабителей отбились.

Обадия добавил:

– Касоги было сунулись нас пограбить, да хвала Тенгри-хану, он отвёл от каравана эту беду.

Деметр пытливо посмотрел на аль Балхи, потом заглянул в выпученный глаз Обадии, второй глаз которого смотрел чёрт те куда. В мозгу нотария Бати сидела только одна мысль, как выманить из этих хитрецов хороший бакшиш.

– Ну, хорошо, – заговорил он, – давайте о деле. Если б завтра не благословенная Пасха, подержал бы я вас в карантине до следующего каравана.

Обадия заморгал глазом, притворно и льстиво заговорил:

– Что ты, что ты, нотарий. Разве ты не знаешь, во что обходится нам содержание каравана? Надо кормить воинов и возчиков, а припасы на исходе. Вчера закололи последнего барана и выдали последний мешок пшена.

Обадия, конечно, лукавил. Еды ещё было более чем достаточно, но обстоятельства вынуждали прикидываться нищим.

– Ладно, уж, – миролюбиво заговорил Деметр, – горожанам надо разговеться на праздник. Давайте ваши списки!

Нотарий, преследуя вымогательское желание, умолчал о том, что протевон города распорядился пропустить караван на базары Таматархи и Фанагории без обязательного досмотра. Да только и купцы были не так просты, как казалось. Они подгадали на Пасху специально, чтобы в спешке основательного досмотра не получилось. Обадия, сверкнув глазом, подал нотарию свиток одной рукой, а другой пододвинул к его ногам сверток с дорогим китайским шёлком. Глаза Деметра вспыхнули от жадности. Аль Балхи подал свой свиток, присовокупив к нему, золотой перстень и маленький горшочек с благовониями для его жены. Глаза нотария разгорелись неугасимым огнём. В списках, естественно, были указаны не все товары. Деметр удовлетворённо произнёс:

– Разворачивайте своё добро незамедлительно. Горожане должны запастись перед Великим праздником Пасхой и Новым годом. Они уж и так сбежались на базары вместо того, чтобы замаливать свои немалые грехи перед Спасителем. Сейчас придёт безбожник Манассия, распорядитель базара. Ему, язычнику, всё равно праздник, не праздник. Ему, проклятому нехристю, и заплатите джизью (налог) по Димосию – канону (торговый свод законов). Нотарий Батя и Манассия были давнишними недоброжелателями, мягко выражаясь.

Нотарий поторопился уйти, прихватив подарки и радуясь такому лёгкому заработку. Его задачей вообще-то только и было, что забрать списки и передать разрешение протевона города на торговлю. Зато купцы уж подсуетились. Подогнав обозы к огромной площади базара возле города, они составили торговые ряды из повозок и разложили товары на рогожи. Лошадей и верблюдов, под присмотром части возчиков, пустили пастись на выгон. Пленные касоги были отведены в специальный загон, больше похожий на овечий. Возле него уже собрались покупатели живого товара.

Оставив торговые ряды под присмотром начальников конвоев, Обадия и аль Балхи направились к загону с пленными. От них они пожелали избавиться как можно быстрей. Увидев в кучке покупателей знакомого, аль Балхи воскликнул:

– Саид! А тебя-то, каким ветром сюда занесло? Ведь ты занимаешься благородным ремеслом торговца далеко, в Магрибе. И, хвала Аллаху, выглядишь ты почти также, когда мы виделись с тобой три года назад в Каире. Человек, которого назвали Саидом, выступил вперёд и, прижав руку к сердцу, степенно поклонился подошедшим купцам. Одет он был в затасканный, неопределенного цвета халат без подпояски, из которого выглядывала грязная галабея; зато на голове его красовалась белоснежная чалма – знак того, что он совершил хадж в священную Мекку. Остальные купцы, глядя на его замызганную одежду, не считали Саида сколь-нибудь значительным покупателем, наивно полагая, что ему и надо-то двух-трёх рабов для перетаскивания какой-нибудь мелочи. И они конечно обманулись. Только такие, как Саид, могли позволить себе одеваться, как бедный салдамарий. В гавани Таматархи, среди множества кораблей, стояло девять галер Саида, которые легко могли вместить всех пленных.

– Кто не видел Каира, тот ничего не видел! – произнёс привычную поговорку Саид на фарси, обращаясь к аль Балхи. – Хвала Аллаху, милостивому и милосердному, Хазрат. Юго-западный ветер принёс мои корабли от белых и крепких стен Константина Великого сюда, в этакую даль, едва я прослышал, что ты, о благороднейший Хазрат аль Балхи, выставил на продажу тут хороший живой товар и готов купить его весь, целиком, по разумной цене. Назови её, уважаемый. Я тороплюсь.

А вот последние слова он произнёс зря. Так в купеческой среде стараются не говорить. Здесь собрались те ещё акулы торга. И зря Саид рассчитывал, что они не знают фарси. Да если ты не знаешь хотя бы нескольких языков, то нечего заниматься международной торговлей. Сиди дома и торгуй гнилыми яблоками, перебирая в ладони пяток махбубов (мелкая медная монета), на которые не купишь и залежалой ставриды на ужин семье.

Собравшиеся здесь покупатели – люди образованные и быстро сообразили, что этот невзрачный на вид салдамарий сейчас, у них на глазах, обойдёт их в торге. Ведь стоит только назвать цену и хлопнуть по рукам, всё – сделка состоялась. Пленные, молодые, крепкие мужчины, были очень хорошим товаром, потому что сейчас в военных действиях наступило затишье, не считая вялых стычек в Сирии, где арабский полководец Хабиб Ибн-Маслама завяз в противостоянии с византийцами. Покупатели шумно устремились к аль Балхи, заявляя, чтобы он назвал цену одного раба. Аль Балхи с Обадией переглянувшись, сразу поняли, что они могут в одночасье не только покрыть все свои расходы по содержанию каравана, но и пребывать в очень даже хорошей прибыли только от одной продажи пленных касогов.

Аль Балхи, как бы в раздумье медленно оглаживал бороду, а потом назвал немыслимую цену в три золотых византия за каждого раба, что равнялось цене лучшего скакового

жеребца на ипподромах империи. Покупатели было, с негодованием отпрянули, но Саид, протянув руку, заявил, что берёт всю партию пленных. Аль Балхи многозначительно поглядел на Обадию, косой глаз которого, утвердительно мигнул, другой же глаз сверлил невозмутимого Саида. Всё, хлопнули ладонями, и Саид попросил лишь об одном, чтобы воины купцов сопроводили пленных до пятого пирса, где стояли его корабли и уж там торговцы получат мешок с золотом. Остальные покупатели, удивившись скоротечности сделки, недовольно ахнули, пожелали, чтоб их разразил гром, и, сожалея в душе об уплывшем из-под носа товаре, кинулись к Обадии и аль Балхи с непременным желанием приобрести пряности, ткани и ковры.

Но купцы вовсе не изъявили желания продавать свои дорогостоящие товары оптом, потому как не знают, какие на сегодня сложились цены. Они посоветовали оптовикам подождать немного, проследовать на базар осмотреть товар, прицениться. Обадия с аль Балхи были опытными торговцами. Имея фору в первичной доставке товаров, они знали, как поступить, и как поднять цену.

*****

Тяжело раненый вождь русичей Урс, шёл на поправку. Другой бы давно загнулся, но тут был особый случай: вмешательство человека из другого мира – Олега, с его диагностическими и биостимулирующими микроприборами. Отряд русов собирался на следующий день уходить домой, в свои дремучие северные леса. А пока, Урс, передав брату Синеоку холщёвый мешочек с мелкой денежной медью, велел всей дружине двигаться в греческую баню, которых в городе было немало и отмываться, напутствуя:

– Ребятушки! Как отец Григорий говорит, что грехов своих мы всё одно водой не смоем, грязь-то дорожную постарайтесь уж отмыть. Да бельишко своё состирните. Хоть отец Григорий и считает нас нехристями, заблудшими овцами, в слепоте своей погрязшими в грехах, слава Перуну, что мы всё ж дошли до Таматархи, и по уговору с Обадией, в целости помогли сохранить его добро. Рассчитался он с нами щедро, а дома нас давно уже ждут матери, сестры жёны и малые дети. Следующий поход наш будет осенью, в зиму. Он потяжелее будет, чем этот. Я вас не неволю. За лето подумайте и охочие пойдут со мной, а я поправлюсь. Завтра купите на базаре подарки своим сёстрам, меньшим братьям, матерям и отцам, чтобы и они возблагодарили богов наших за благополучное завершение похода нашего. А вы, мыслю, обогатили себя знанием жизни других народов, испытали свою силу…

Абдурахман, добравшись с Олегом до Таматархи, заявил вечером, что больше он ему не защитник и пусть хрониста теперь охраняют хазары. Олег поблагодарил араба и сказал на прощание:

– Зачем вы мне нужны? Я же говорил, что не нуждаюсь в охране. Ваши стрелы и мечи не смогут поразить моего тела.

На что Абдурахман резонно заметил:

– Я и не сомневаюсь в этом высокочтимый. Да только ведь я исполнял волю своего командира, всесильного Махмуда. Прощай.

Олег, на которого абсолютно не влияли бактерии и грязь чужого мира, отправился с русскими парнями в баню из чистого любопытства. Он хотел сравнить бани Таматархи с банями Константинополя и Александрии, в которых он бывал ранее, и, которые были внутри отделаны шлифованными мраморными плитами. Правда, не все в них ходили. Здесь же пол был выложен шероховатыми пластинчатыми камнями разного размера из красноватого базальта, по которым не скользили голые ноги, а подогревался этот пол снизу, и довольно прилично. Сосновые лавки издавали приятный запах. Банные служители из рабов драили своих пациентов морскими губками, макая их в дурно пахнущий мыльный раствор из глиняных плошек и тут же обливая их горячей водой из медных тазов. Посреди моечного зала располагался бассейн с морской водой, вмещавший человек двадцать. В бассейн можно было окунуться только после мытья. Хозяин, грек Паламидис, денег, оказывается, в этот день не брал. Разгуливая по

бане в мокрой до колен рубахе, он приговаривал, что сегодня последний день Великого поста и Спаситель запрещает брать плату за помывку грешников, какой бы веры они не были, но, если человек желает, то в отдельной комнате ему можно сделать массаж с благовонными маслами, естественно, за плату. Хитрый Паламидис отлично знал, что уж редкий посетитель его заведения проигнорирует такое непритязательное предложение, будь то христианин, мусульманин, иудей или язычник. Конечно, русские дружинники не отказались от такой услуги. Приёмам массажа, которые существовали ещё со времён античности, рабы Паламидиса были обучены превосходно. Костяк и суставы Олега они мяли руками и ногами так, как будто он был их личным врагом ввергнувшим их в рабство. И всё же делали они свою работу с превеликим мастерством и знанием анатомии. Синеок заплатил за всех, включая и Олега, а удовлетворённый хорошей платой Паламидис, провожая русскую бригаду, усердно кланялся и, крестя их, приговаривал им вслед:

– Спаси вас Христос, братья! Наведывайтесь. Милости прошу. Не забывайте, любящего вас, старого Паламидиса.

Он-то хорошо знал, за что будут любить его заведение.

Олег, выспавшись после бани под телегой с раненым Урсом, где он незримо облучал последнего, вылез оттуда в полной решимости прогуляться по базару. Заодно он хотел осмотреть и сам город. Вымывшиеся накануне ребята дружины Урса, готовили на костре себе завтрак. Урс не спал. Ума поила его водой из деревянной чашки. Он не ел уже третьи сутки, и это тоже способствовало заживлению раны. Олег разбинтовал Урса и оглядел его спину. Рана затягивалась, и вождь уже не сплевывал сгустки крови.

– Тебе можно поесть, вождь! – заявил Олег.

– Хорошо, друг! – заговорил Урс. – Мы завтра уходим домой, а ты, стало быть, остаёшься. За то добро, что ты сделал для нас, я отблагодарю тебя. Ты получишь надежного товарища и защитника, и он говорит по-гречески, по-арабски и знает тюркский язык. Ума, позови! К телеге подошел среднего роста плотно сбитый парень.

– Чего звал, дядя? – весело спросил юноша.

– Мы завтра уходим домой, а у тебя кроме меня все равно никакой родни нет. Отец твой погиб в схватке с буртасами, а мать сгорела вместе с твоими младшими братьями и сестрами. Тебя ничто не влечёт в родные края. Ты знаешь языки и местные обычаи, чужие верования и порядки. Останешься вот с Олегом. Он наш родственник, тоже из рода Медведей. Будь ему другом и защитником. Я всё сказал.

– Добро, дядя! – и, обернувшись к Олегу, простодушно улыбнулся.

– Я Гамаюн, я весёлый! Со мной не пропадёшь!

Хорошо, что Олег факультативно изучал в университете старославянский язык наравне с тюркским, арабским, греческим и фарси. Речь Урса он понял, правда, значение некоторых слов ему было не совсем понятно. Приходилось угадывать смысл слова. Новый знакомый пригласил Олега отведать варева, приготовленного его товарищами. И, хотя Олегу не нравилась простая, малосолёная пища славян, отказаться он не мог. Обидишь, а своих далёких предков историк уважал за их отчаянную храбрость и наивность. Ели они из большого общинного котла, аккуратно и не спеша, каждый своей роговой или деревянной ложкой, которую, облизав напоследок, клали за голенище мягкого сапожка вместе с боевым ножом. Возле котла с кашей больше десятка дружинников расположиться не могло, а потому соблюдался довольно странный порядок. Сначала ели молодые с гостями, если таковые случались, потом средние по возрасту, и лишь потом старшие, которые ещё и приговаривали при этом, что остатки всегда сладки.

Многое уже из тех далеких обеденных, да и других традиций, забыто последующими поколениями. Здесь молодых берегли и в бою, и в быту. И эти молодые постоянно ощущали заботу о них старших, и были благодарны им, и подражали старшим во всём, и передавали опыт и традиции дальше, в будущее, своим детям и внукам. Олег отметил про себя, что сейчас,

когда всё то доброе, что накопили предки, было со временем растеряно, а современные люди приобрели определённый негатив в виде зависти, жадности, эгоизма, предательства и провокаторства, жить стало намного сложней. Но и современный мир понять можно: людей стало гораздо больше, а в больших сообществах и отношения стали более сложными. Противоположные интересы разных слоёв общества требовали договорной основы, повсюду был необходим компромисс, а иначе человечеству гозило самоуничтожение.

Олег отметил и такое обстоятельство: почему-то в его время распространилось мнение, подкрепленное учёными выкладками, что древние жили мало. Конечно, если взять усреднённый показатель, то да. Но при этом забывают, что люди в основном, гибли от постоянных боевых действий, инфекционных заболеваний, эпидемий. А если исходить из того, что жили долго? Например, арабский полководец Хабиб Ибн – Маслама, который начав воевать ещё в 654 году, закончил свою военную карьеру в 730 году, в возрасте девяносто шести лет. Уйдя на покой, он прожил еще два года. Несгибаемый и удачливый, он не знал поражений. Или взять хоть его современника и заместителя, полководца Саида Ибн-Амра аль Хараши, который ушёл «на пенсию» в девяносто лет, начав воевать двадцатилетним парнем. Эти полководцы громили и рвали лучшую по тем временам византийскую армию, вытеснив её из Египта, Ливии, Палестины, Сирии и Ливана. Вот только с хазарами арабы ничего поделать не могли. Хазары наголову разгромили и уничтожили арабские армии Сальмана Ибн-Рабиаха аль Балхи, Абд-ар-Рахмана и Джерраха Ибн Абдаллаха аль Хаками вместе с этими прославленными полководцами. Хазарский же предводитель Барджиль прожил девяносто лет.

Всё это Олег, сидя у костра среди этих весёлых русских юношей, знал. Знал он и то, что непобедимую хазарскую армию разгромят русские полки киевских князей и, по сути дела, развалят каганат, сделав Таматарху столицей Тмутараканского удельного княжества на несколько веков, до монгольского нашествия. Конечно, правящий род Ашина совершил гигантскую историческую ошибку, приняв иудейскую религию и утвердив её, как государственную. В народе она не прижилась, и развал каганата был предрешён. Размышляя, Олег подумал, что уж лучше бы хазары приняли мусульманство. Тогда, подкреплённая арабскими полками, хазарская армия вполне могла бы выдержать давление русских с севера и удар неудержимой монгольской конницы с востока. Но всё это только предположения.

А пока наступал первый день Пасхи и слышался колокольный звон, но был он каким-то будничным. Олег, побывав ранее в различных исторических прослойках, знал, что Византия является родоначальницей колокольных звонов, но только на Руси эти звоны были доведены до совершенства, звучали в церковные праздники очень уж торжественно, истово, всепобеждающе, утверждая силу духа, окрыляя верующего человека. Олег пригласил своего нового товарища Гамаюна прогуляться по городу. Выйдя на соборную площадь перед церковью Пресвятой Богородицы, Олег услышал знакомый сто третий псалом, который дружно распевали в храме верующие: «Как многочисленны дела твои, Господи!»

Встретив недоброжелательные взгляды византийских воинов на площади, Олег и Гамаюн трижды перекрестились и поклонились куполам храма. Уходя в сторону гавани, Олег спросил Гамаюна:

– Ты христианин?

Тот долго раздумывал и историк сам ответил:

– Понимаю. Трудно в одночасье забыть веру своих дедов и отцов, и тут же приобщиться к новой вере. Здесь важно понять философию любви человека к человеку и ко всему сущему, проникнуться величием Бога и непогрешимостью его деяний.

– Я так мыслю, хронист, – заговорил после некоторого молчания Гамаюн, – Бог может принять обличье нищего калеки, и ты не можешь пройти мимо, не отдав ему половину своей последней краюхи хлеба. И

Он может быть в облике собаки, которую пинает прохожий. И может быть деревом, которое ты собрался срубить. Но мы просим прощения у деревьев, которые рубим, и у травы, которую косим. Просим прощения и у животины, которую лишаем жизни по необходимости. Такова наша древняя вера. Только вот как полюбить врагов своих? Зла в мире много. Если мы не дадим отпора, скосят нас, как траву. И нас вятичей, и кривичей, и других русов.

Олег поймал себя на мысли, что его новый товарищ сворачивает на стезю язычества, где он, по сути, и пребывает. Чтобы сменить тему разговора, спросил:

– Ты здесь бывал раньше?

– Бывал и здесь, и в Боспоре, и в Херсонесе. Где я только не побывал, Олег, когда по воле богов лишился семьи: родителей, братьев и сестёр своих. Был я ещё мальчишкой, когда дядька Синеок взял меня с собой в далекий путь, в Хинд. Косоглазый Обадия нанял тогда Синеока в личную охрану. Долго мы туда тащились. Через горы, через реки. Пока шли, выучил я тогда и тюркский язык, и по-арабски заговорил, и не только, но и арабскую вязь познал, письмо. Когда туда добрались, насмотрелся я там чудес всяких. Жара там несусветная. Народ чёрный, веселый. Ходят голышом. Владеют большими добрыми зверями с носом до земли и с клыками, как у старого вепря, только больше. Силы эти звери неимоверной. Бревна таскают своими носами. Храмы в Хинде высокие. На стенах храмов много вырезанных из камня фигур людей. Одни имеют шесть рук, а другие с головами этих носатых зверей. А ещё много на этих стенах красивых девок и занимаются эти каменные бабы с такими же голыми мужиками непотребным делом. Дядька мне ещё всё очи закрывал ладонью, да я всё равно разглядел.

Олег рассмеялся:

– Да это их боги: Рама, Шива, Ганеша. Культ любви у них.

– Во, во! Шива! А ещё там много зверьков, похожих на маленьких людей. Лезут везде, воруют. Могут и на голову залезть. Людей в Хинде полно всяких. Попадаются и такие, что прямо как головёшки чёрные. Вернулись мы с дядькой Синеоком домой только через год, а семьи моей в живых никого не осталось. Вот тогда дядька Урс и забрал меня в свою семью. Да только дома я уже усидеть не смог. Тянуло меня в дальние страны. Ходил с охраной караванов. Лес возили хазарам, и сюда, в Таматарху. Выучился и по-гречески, и грамоте ихней. Толмачом сделался и в сечах бывал, а один грек обучил меня ближнему бою без оружия.

Гамаюн, не торопясь, рассказывал о своих странствиях, а Олег, слушая, разглядывал город, по которому они шли, спускаясь к гавани. Христиане – в этот первый день Пасхи, находились в храмах, которых в Таматархе было несколько. В городе жило немало людей других вероисповеданий, которым этот великий христианский праздник был, по сути дела, не интересен. Они спешили по своим делам. В основном на работу в многочисленные гончарные мастерские, на скотобойни и маслодавильни, в порт, на разгрузку товаров. Разные встречались люди – это были, в основном, греки и хазары, но были и аланы, и арабы, и славяне, и даже те же касоги. Всем находилось дело в приморском торговом городе.

По улице, мощённой кусками пифосов, каким-то строительным мусором, костями животных, булыжником вперемешку с песком, катили, производя сухой треск и грохот, телеги и повозки, колёса которых окованные железными ободьями уплотнили это своеобразное уличное покрытие до твёрдости горных дорог. Дома, чаще двухэтажные, были собраны из пластинчатого базальта, среди которого попадались куски обработанных блоков ещё античного происхождения. Да и не удивительно. Ведь Таматарха была отстроена «на костях» Гермонассы, греческого города-поселения после чудовищного разгрома Боспорского царства гуннами. Как правило, первый этаж – это хозяйственный блок, где горожане хранили бытовой инвентарь, продукты и всякую мелочь. Второй этаж – это спальни, где хранилась дорогая одежда и всё самое ценное в доме.

Сам дом и, расположенные рядом, хозяйственные постройки были накрыты крышей из черепицы, а некоторые из камыша. За домом обязательно располагался сад, а дворик оплетала

виноградная лоза, которая летом, в жару, ещё служила и защитой от жарких солнечных лучей, создавая тень. Олег заметил, что среди таких, традиционно греческих домов, часто попадались и одноэтажные постройки из саманного кирпича, явно принадлежащих хазарам. Кстати, многие из них были круглыми в плане, напоминающими юрты кочевника. А всё потому, что бывшие степняки, являясь язычниками, не любили строить квадратных домов, боясь углов, в которых, как они считали, таится нечистая сила. По этой причине терпеть не могли кроватей и спали на глинобитных полах, подстелив кошму из овечьей шерсти. Естественно, верблюжья считалась лучше.

Все эти подробности из быта горожан рассказывал Олегу, по пути в гавань, Гамаюн. И ещё историк обратил внимание на то, что оконные проемы вторых этажей были узкими и задрапированы легкими тканями.

В такие окна вооруженный воин пролезть не мог, разве что с тощей фигурой вор. Некоторые окна занавешивались камышовыми циновками, а иные ничем, зияя чёрными прогалами. Первые этажи не имели окон, за исключением ювелирных и обувных лавок. А ещё попадались заведения чеканщиков посуды, молоточки которых уже вовсю стучали, несмотря на праздник.

Произведения их, из меди и серебра, красовались в окнах, которые на ночь запирались тяжёлыми дубовыми ставнями. Воры, а они уже плодились в те древние времена, и как раз в городах. Уж если обезьяны постоянно норовили что-либо украсть, то человек мало, чем отличался от них. Правда, глубоко верующий христианин такого жлобства себе не позволял, а вот если какой-нибудь нехристь, то ведь и мог. Правда и то, что хозяин, поймав вора на месте преступления, не вёл его к городскому протонатарию (прокурору), а сразу мог продать шкодника на галеры. Нужда в галерных рабах была постоянной. Надо отметить, что и городской протонатарий не отличался гуманностью. Если были свидетели события, то приговор однозначен – на галеры, в редких случаях – на скотобойни. Работа там была ужасающей. Мало у кого имелось шансов долго прожить. Разница только в том, что на скотобойне можно было хоть что-то поесть, а на галерах, прикованным к вёслам рабам давали один раз в сутки кусок сырой тухлой рыбы и чашку такой же воды. Отходы человеческого пищеварения смывались надсмотрщиками морской водой за борт, из кожаных вёдер, через отверстия в бортах.

Таким весьма жестоким образом общество сдерживало бытовую преступность. Надо сказать, что и воры обходили стороной те города, где власть свирепствовала. Ну да ведь, если от вшей не избавляться, так они заедят человека, а воров горожане справедливо считали человеческим браком. Правда, были воры вынужденные – это дети, которые лишились по разным причинам родителей. Таких обычно прибирали общины верующих, но бывало, что некоторые, не очень-то сердобольные горожане, продавали таких детей в солдатские школы Византии.

Правителем в большом округе Таматархи и Боспора был наместник кагана, тудун Папаций. И уж с ворами-то он не церемонился, наплевав на византийский Димосий – канон, который хоть чуточку ограничивал власть протевонов и протонатариев в городах империи. По давнему договору между Византией и Каганатом управление в городах и черноморских портах было совместным. Кроме хазарского тудуна был и протевон, глава греческой общины. Но хазарские наместники, тудуны, византийских законов не признавали и своё, хазарское население города и округа держали «в ежовых рукавицах». Доходы от пошлин с торговых караванов и портовых сборов греческие и хазарские власти делили пополам. Каждая из властных ветвей имела свою администрацию в виде хартуляриев, коммерциариев, нотариев и прочих весьма прожорливых чиновников.

В порту стоял невообразимый гвалт от скопища людей и животных. Вдоль берега расположились густые ряды кораблей. Полуголые рабы таскали с них мешки с зерном, солью и другими товарами, укладывая их на телеги, или носили в складские помещения. Купцы угадывались по тяжёлым одеждам. Нагруженные повозки, одна за другой, уходили в город. Их места занимали другие. Неподалеку, окруженные конными арабами, ожидали своей очереди

на погрузку пленные касоги. Среди торговых галер выделялись более крупными размерами триэры, с единственной мачтой и парусом. Поотдаль от основных пирсов разгружались сразу два корабля: один с известковым камнем, а другой с дровами.

Олег, взирая на этот людской муравейник, вдруг, чуть ли не согнулся от мысли, что вся эта картина, эти, снующие туда-сюда люди, необычные гребные корабли, даже море – всё это, с точки зрения его, человека конца XXI века, где-то там, далеко, в прошлом. Все эти люди давно умерли и кости их, пожалуй, истлели. Корабли давно сгнили. Может быть, вся эта суета вокруг – плод его воображения, сон. Олег провел ладонями по голове, как бы стряхивая наваждение. Да нет, никуда ничего не исчезло. Вот и Гамаюн стоит рядом и что-то рассказывает по-гречески, на древнем ещё диалекте. Ведь наступил семьсот первый год от рождества Христова, и историк Олег Медведев находится на Таманском полуострове, на территории бывшего Боспорского царства и через пролив видна Керчь, называемая в данный момент Боспором, а ещё ранее – Пантикопеем. А теперь вся эта территория, включая степной Крым и Причерноморье, которое эти люди называют Ателькузу, находится под хазарским протекторатом.

– Очнись, Олегша! – прозвучал голос Гамаюна. – Что задумался? Я говорю тебе про эту древнюю дорогу, на которой стоим. Она тянется из порта Таматархи вдоль побережья туда на юг, в Закавкзье, мимо греческой крепости Фасис и ещё дальше, в Курдистан. Вся земля здесь пропитана кровью на три, а может и больше, сажени. Когда триста лет назад в эти края пришли гунны, они ж камня на камне не оставили. Все разграбили, сожгли, людей перебили. Погибла и эта Гермонасса, и Боспор. А пришли они с востока из-за Итиля (Волги). Одна ветвь гуннов пошла на запад, через Ателькузу, на Паннонию. Разбили готов, напали на германские племена алеманов, ютунгов, саксов и франков, а потом повернули на Рим. Разграбили и его. А вот другая ветвь гуннов вторглась в Подонье, разгромила алан, уничтожила все приморские города греков, и, вот по этой дороге двинулась на Закавказье, Курдистан и Сирию. Здешние города несколько лет зарастали травой. Потом здесь опять появились неугомонные греки. Так, рыбу ловили. Рыбы тут пропасть. Торговли не было. Через некоторое время пришли булгары, и стала оживать торговля. Вот булгарские племена и заняли приазовские степи и Таманский полуостров. Позже булгары освободились из-под власти тюрков, а их вождь и правитель хан Кубрат уже в 635 году создал Великую Булгарию и столицей государства сделал Фанагорию. Император Византии Ираклий пожаловал Кубрату почетный титул патриция. Подкрепил дружбу богатыми дарами. От такого союзника отказываться уж никак было нельзя. Только вот куда подевались гунны, никак не пойму?

– А я тебе подскажу куда, – отозвался Олег. – Ведь хазары, дорогой мой Гамаюн, – это и есть гунны. Вернее их потомки. А вот скажи мне: откуда ты узнал об этом отрезке истории, Медведь?

Гамаюн, шагая рядом с Олегом по древней дороге, поглядел вдаль, потом на историка и сообщил обыденно, без похвальбы:

– Так я же читал труды Прокопия Кессарийского, патриарха Никифора, армянского епископа Себеоса, Агафия, Захария Ритора, армянского историка Моисея Хоренского, а главное, мой друг, трактаты Аммиана Марцеллина, византийского историка, который и жил-то во времена нашествия гуннов и готов на Римскую империю.

Олег был удивлен:

– Да, ты, я смотрю, человек-то учёный. Для славянина, который ходит у себя в дремучих лесах, там, далеко на севере, как-то не вяжется такая осведомленность в делах истории.

– А чему тут удивляться, хронист? Я ведь уже рассказывал, что с детства, как отрезанный от ковриги хлеба ломоть, мотаюсь по свету. Языки познал, грамоте научился, читать приобык, со многими учёными людьми встречу имел.

Дорога, по которой они шли, всё дальше удалялась от порта, и представляла собой избитую колесами колею с односторонним движением, кое-где уже затянутую вездесушим осотом,

одуванчиками и подорожником. По правую руку от них шумел морской прибой, да тягучими стонущими голосами перекликались чайки. В чистом утреннем небе, высоко кружили два стервятника, выискивая себе пропитание. Дорогу преградил древний шлагбаум. Толстый, в обхват, дуб лежал на вкопанных козлах. Поднять такую преграду могли только человек десять здоровенных мужиков. От этого шлагбаума, заходя в море, шёл частокол, высотой в два метра, напоминающий противотанковые ежи. Такой же ряд ежей тянулся и с левой стороны, уходя куда-то далеко в степь. Брёвна этих ежей, толщиной с солидного человека, были вкопаны с наклоном друг к другу и в сторону степи. Заостренные, они были специально обожжены. Олег предположил, что даже современный сорокотонный танк не смог бы, пожалуй, с ходу пробить такую мощную преграду.

– Это от кого же такая защита, Гамаюн?

– Да мало ли от кого! Тут видишь, какое дело. Хазары по степи далеко продвинулись в земли поляниц и вятичей. Стали восстанавливать по Дону, Хопру и Медведице заброшенные скифские городища. Нас, вятичей, стали беспокоить, дань требовать. Ну, мы, чтобы не изнурять себя постоянными военными стычками, согласились платить им дань лесом. Уж этого-то добра у нас немеряно. Строили-то хазары всё из камня, да из глины. Ну, а без леса никакое строительство не обходится. Заготовляли мы им сосну, лиственку, дуб. Варили для их скрипучих телег мазь из дёгтя. Для нас такая дань – плёвое дело. Сначала хазары сами возили заготовленные брёвна для своих городищ, а потом и мы начали возить. У нас-то был свой интерес. Хоть дорога и дальняя, да везли мы дерево аж до самой Таматархи и Фанагории. Грабить по пути нас бы никто не посмел, себе дороже, хазары накажут. Приморские города отстраивались, потому нуждались в лесе. Своего-то леса у них, как видишь, кот наплакал. Крепостных стен тоже нет, да и не было. Вот наши старейшины и предложили протевону Таматархи, и хазарскому тудуну, протянуть засечную линию от моря до озера – это полтора фарсанга (9 км). Поставили им для примера два треножника. Каждое бревно из дуба, толщиной в обхват и длиной в три человеческих роста, половина вкапывается в землю. Такую линию никакая конница сходу не

возьмёт, и не горит она.

– Неплохо придумано! – заметил Олег.

– Ну, вот! – продолжил свой рассказ Гамаюн. – Тутошним городским властям шибко захотелось такую ограду заиметь. Они и наняли нас. По уговору, дуб мы должны были поставлять как данники, а вот строить – это уж за плату. Ну и, само собой, прокорм от города. Дали нам рабов копать ямы, таскать брёвна. Тут, видишь, хитрость одна есть: три бревна в верхней трети соединяются в замок без единого гвоздя. Мы им показали. Да куда там! Бестолочи! Короче, лет этак за пять, мы им эту перегорожу сладили. К тому же, на базары ихние наши торговцы привозили соболя, бобра, лису. Продавали с большой выгодой. Домой везли дорогие подарки. Жёнки наши, девки – все в шелках, в доброй обуви, в перстнях и дорогих уборах. Любо-дорого посмотреть. Вот и соблазнили буртасов с Итиля, мол, забогатели вятичи, соседи их лесные. Через лес пробрались они, как тати, ночью напали. Мужики наши, как назло, в отъезде были. Одни на строительстве в Таматархе, другие – в караване с лесом. Воинов в городище мало оставалось. Я, мальчишка, с дядькой Синеоком в Хинде обретался. Вот тогда погибли и мои родители, и сёстры, и братья меньшие. Хазары, правда, отомстили буртасам: пожгли их сёла, кой-какой народ в полон забрали. В устье Бузана \Дона\ большой рынок работорговли – вот там и продали обидчиков наших. Да мне-то от этого не легче – родню не воротишь. Вот тогда я и пошёл скитаться по белу свету. Не один, конечно. Одного-то вмиг в рабство загребут. Родное пепелище восстанавливать не похотел потому, как тяжко мне было. Душа болела, сердцем маялся. Ладанку вот с пеплом родным на груди ношу.

Шею Гамаюна облегал тонкий сыромятный ремешок, на котором висел маленький, из тонкой кожи, мешочек. Олег, чтобы развеять горестное окончание рассказа, приобнял парня за могучие плечи и предложил:

– Мне надо купить шейный платок, Гамаюн. Прикрыть вот это ожерелье, а то уж очень оно бросается в глаза.

– Зачем покупать! – оживился Гамаюн. – Ты только расскажи что-нибудь интересное. Купцы люди любознательные, учёных людей шибко уважают. Пошли вот вдоль этой огорожи вверх. С четверть фарсанга пройдём, и базар будет. Там и разживёмся.

Глава 5. РЫНОК ЧУДЕС

Перефразируя известную поговорку, можно сказать: кто не видел базара – тот ничего не видел. Вселенная в строгой устроенности своих холодных звёздных миров тихо поворачивалась над головами, спешащих куда-то, людей. Необоримые желания плоти, любопытство, жажда каких-то знаний и слухов, как магнитом притягивала их в одно место: на городской базар.

– Город, с его побелёнными известью домами, утопающими среди зацветающих акаций и сирени, с возвышающимися то тут, то там пирамидальными тополями, с красными пятнами черепичных крыш, был в два раза меньше, чем огромный рынок рядом. И непонятно было, то ли этот странный рыночный муравейник примыкал к городу, то ли, наоборот, город являлся малой окраиной, меньшим спутником огромной территории, запруженной галдящими людьми, разнообразным товаром и животными. Кроме этого рыночная площадь была заполнена повозками, телегами и арбами, разноцветными шатрами, большими и малыми палатками с чадящими жаровнями. На этом базаре можно было купить себе даже жену, наложницу или просто рабыню для работы по дому.

Людей тянуло сюда не только за тем, чтобы что-то купить или продать. Горожанам хотелось развлечений, общения. Им хотелось увидеть здесь что-то необычное, какое-нибудь чудо. И они получали здесь всё сполна. Базар – это огромный театр, это зоопарк и цирк, это эстрада, наполненная разношёрстными исполнителями. Это газета и книга. Это, наконец, гигантский универсальный магазин, где можно было найти всё, что нужно и не нужно человеку. Здесь сконцентрировались дьявольские силы. Здесь дух борется с плотью и, может быть, побеждает её. Плоть ведь не всегда восстает против чревоугодия, гордыни, непотребных желаний и зависти. Люди здесь наполнялись кто злобой и раздражением, кто весельем и радостью, получалось, что жили они здесь, получая вожделенные эмоции. Получалось, что здесь не столько покупали и продавали, сколько развлекались. Одни всё же пытались нажиться, – другие, купить подешевле, третьи же, и их было, пожалуй, большинство, желали просто общения с новыми людьми. И общение это принимало разнообразные формы: вплоть до ругани, сбрасывания своей негативной энергии на другого. Одним словом, в таких местах всегда кипят человеческие страсти. Люди тащатся сюда спозаранку и пребывают тут до вечера, пытаясь удовлетворить свои желания. Большинству это удается.

Когда Олег, в сопровождении Гамаюна, вступил на один из неисчислимых рядов этого скопища людей и товаров, он понял, что найти нужную ему вещь будет непросто. Да и не мудрено, если в одном ряду только рыба: жареная, вяленая, всякая. А в другом – мясо. Тоже во всяком виде, только не в сыром: городские власти, боясь эпидемий, запрещали продавать сырое мясо и рыбу. В третьем – только фрукты и так далее. Где ряды с тканями, одному Богу известно. Вывесок и указателей нет. Ориентируйся, как хочешь. Существует издревле один метод поиска: спросить людей. Причем таких, которые здесь заняты какой-то работой.

Утреннюю прохладу уже снесло лучами поднявшегося солнца и посреди ряда они увидели человека, который занимался обычным на базаре делом: увлажнял пыль. В одноконной упряжке стояла бочка с морской водой. Человек черпал кожаным ведром воду из бочки, макал туда веник и брызгал им по пыли и ногам прохожих.

– Сейчас мы у этого спросим, где найти одного моего знакомого торговца, который торгует шёлком! – успокоил Олега Гамаюн.

– Эй, уважаемый! – обратился Гамаюн к поливальщику по-гречески.

Тот тупо уставился на него и произнес по-тюркски:

– Не, бельме! (не понимаю).

Гамаюн обратился к нему уже на его языке:

– Скажи, уважаемый, где нам найти Ахмеда, торговца шёлком?

Увлажнитель пыли даже обрадовался возможности поговорить:

– Ахмеда? А может, тебе нужен Башара, который в начале месяца ниссан в прошлом году нанялся перекрыть крышу на сарае торговцу Аристотелю, да свалился с неё прямо на нужник, где в это время сидел сам хозяин и придавил его, за что Аристотель с позором и выгнал Башару?

– Э-э-э! – отмахнулся Гамаюн.

Увлажнитель пыли бросил свое занятие и, забежав вперед, затараторил:

– Погоди, погоди! А, может, ты ищешь кривоногого Барака, который в Страстную пятницу выпил много неразбавленного греческого вина и христианский Бог наказал его тем, что уронил в городской колодец, откуда его выловили чуть живого, а потом ещё настоятель, отец Феодор, освящал колодец, но окрестные жители долго брезговали брать оттуда воду? А?

– Да иди ты к чёрту! – начал раздражаться Гамаюн.

Но, от словоохотливого любителя поболтать, не так-то просто было отделаться, и Гамаюн уже пожалел, что обратился именно к этому перемывателю городских сплетен, который никак не унимался.

– Стой, стой! А может тебе нужен Ханукка? Не тот, что большой начальник, а косоглазый торговец Ханукка, который правым глазом видит, что у тебя в мозгах, а левым – сколько у тебя в кармане медных махбубов, и, который три дня назад…

Дальнейшее друзья уже не слышали, скрывшись в толпе покупателей, однако, голос увлажнителя базарной пыли ещё долго доносился издали. Видимо, он нашёл новых слушателей и забыл про свои обязанности.

Солнце уже поднялось довольно высоко и припекало изрядно. Как-никак, весна была в самом разгаре, но привыкшие к жаре южане не обращали на неё внимания, занятые важным делом купли-продажи.

Густые запахи жареной рыбы и мяса вперемежку с дымом от множества жаровен, стояли в застоявшемся воздухе. К ним добавлялся запах всевозможных специй, овечьей шерсти, конского и человеческого пота и много ещё чего. Говор разноязычной толпы давил в уши. Кого тут только не было. Мусульманская чалма с пёстрым халатом мешалась и сталкивалась с косматой папахой и чекменем горца, а полосатый халат и чёрненький блин на лысой голове иудея путался с тюбетейкой и кожаной безрукавкой тюрка-язычника или белокурой головой славянина. Слышались выкрики и завывания продавцов, то на греческом, то на арабском, то на тюркском языках. Нередко просачивалась армянская, грузинская и русская речь. Волжане булгары тыкали в нос покупателю свою превосходную кожаную обувь, а славяне трясли переливчатыми мехами и предлагали мёд. Раздражённые пчёлы и осы, сталкиваясь с мухами, носились по рядам, норовя ужалить. Пахло перцем, чесноком, имбирем, колбасами и копченостями, поневоле вызывая аппетит.

Изголодавшиеся за Великий пост, христиане набирали целые корзины и плетёные кошёлки разнообразной еды. Откуда-то доносилась музыка и пение приезжих исполнителей, зарабатывающих свой хлеб. Выйдя на небольшую площадь, Олег с Гамаюном увидели соревнование канатоходцев, которые без всякой страховки танцевали с шестами на огромной высоте по туго натянутому канату между двух вкопанных лесин. Под дробный перебор барабанов, надрывались зурны и дудуки. Веселье и взрывы хохота сопровождали спутников. Олег уже успел устать от базарного гомона, а Гамаюну хоть бы что. Он откуда-то принёс две порции кебаба и они, глядя на искусство канатоходцев, перекусили.

– Пошли отсюда. Мне Обадия даст всё, что нужно. Зря, что ли я ему ногу-то вылечил? Где мы тут твоего Ахмеда найдём?

– Погоди, Олегша. Для Обадии платок сущая малость. Сейчас мы этого Ахмеда найдем.

Гамаюн переговорил с каким-то греком и повёл Олега из обжорных рядов совсем в противоположную сторону. Миновав ряды медников и оружейников, они вышли к палаткам древ-

них фармацевтов. Чего только не предлагали эти аптекари. Здесь были травы, корни, толченые кости летучих мышей, жаб и каких-то жуков, мази притирания, настойки и вытяжки, которые лечили, по словам продавцов, все мыслимые и немыслимые болезни человека и животного. Тут же больному, а таковые здесь тоже присутствовали, проводили на основании его анамнеза диагностику и назначали лечение. Взяв плату, лекарь, он же аптекарь, провожал болезного добрыми напутствиями. Кстати, прохиндеев и мошенников среди них не было. Клан этих врачевателей без всякого сожаления изгонял такого из своих рядов. Наоборот, каждый из них всячески старался пополнить медицинскими знаниями свою память. Записей-то никаких не велось, хотя трактаты и манускрипты античных ещё врачевателей у многих имелись, и они ими умело пользовались. Олег с одобрением и некоторым удивлением в душе отметил, что люди этого времени отличались от последующих поколений большей ответственностью, честностью и чистотой нравов. А иначе не выжить. Обманщика, любителя всучить какое-нибудь барахло, быстро вычисляли, и конец его был один – в небытие, в лучшем случае проштрафившегося ставили к очень уж удивительной стенке. Олег это и увидел на одной из площадок между рядами.

Вкопанные столбики поддерживали широкую доску, к которой были прибиты за уши толстыми, коваными гвоздями два торговца. Стоя на коленях и не имея возможности даже вытереть слёзы, сопли и кровь, так как руки их были связаны за спиной верёвкой, оба купца сипло выли: «Ин, ны коерге!» (я не виноват). Рядом стоял служитель из базарной охраны и на разных языках провозглашал: «Смотрите на этих воров и запоминайте! Они обвешивали и обсчитывали вас, и пытались скрыть свои доходы, чтобы не уплатить налоги!»

Гамаюн сообщил Олегу, что это свирепствует хозяин базара Манассия, которого все знали как человека справедливого, но строгого. Эти салдамарии простоят на коленях до вечера без еды и питья, мочась под себя. С них сдерут большой штраф в казну кагана. Торговать на этом базаре уже им не придётся. Покупатели будут обходить их стороной, увидев их рваные уши, как бы они их не прикрывали волосами или головными уборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.